

Максим Михайлов

*Загляни на
темную сторону*

Право на жизнь

Максим Михайлов

Право на месть

«Станислав Щербаков»

2018

Михайлов М.

Право на месть / М. Михайлов — «Станислав Щербаков», 2018

Мечь - священная категория, неотъемлемое право мужчины и воина, которое никто не смеет оспаривать. В ходе восьмидневной русско-грузинской войны Россия потеряла шесть боевых самолетов. Сбиты они были украинским комплексом "Бук" управляли которым бывшие российские офицеры, получившие неоценимые знания и боевой опыт в ходе службы в российской армии. Мир мастеров противовоздушной войны достаточно тесен. Все друг друга знают, вместе учились, вместе служили, вместе ездили на учения... Можно ли простить бывших однополчан, по им одним известным резонам, оказавшихся на другой стороне?

© Михайлов М., 2018

© Станислав Щербаков, 2018

Содержание

Пролог	5
Время героев	14
Гость из прошлого	21
Операция «Мечь». Подготовка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Максим Михайлов

Право на месть

*Мелом расчерчен асфальт на квадратики,
Плაც строевой.
Мальчики с детства играют в солдатиков,
В нас с тобой.*

ст. лейтенант Игорь Власкин, испытатель

Пролог

– Гетман, Гетман, я – Инжир, прием. Гетман, Гетман, я – Инжир, прием...

Начальник расчета самоходной огневой установки зенитно-ракетного комплекса «Бук» нехотя потянулся к свисающему со стойки микрофону портативной рации. Из глубины тесного отделения боевой машины за ним пристально следили две пары глаз. Номера расчета – первый и второй операторы. Еще один – механик-водитель, сидел прямо за спиной, начальник расчета не мог сейчас видеть его лица, но буквально кожей ощущал, как тот напрягся всем телом и подобрался в удобно пружинящем кресле. Инжир – позывной поста дальнего обнаружения, наблюдающего за небом со стороны уже вторую неделю гремящей выстрелами Осетии. Выход его на связь сейчас в неуточное время мог означать только одно – настала пора отрабатывать полученные деньги. Так что, похоже, пришел и их черед ввязаться в закипающую драку. Они до последнего не верили, что дойдет до серьезного противостояния с применением современной техники, надеялись, что дело, как обычно, ограничится лишь игрой мускулов, да дипломатическими нотами, но кажется этим надеждам не суждено было сбыться.

Начальник расчета, рано поседевший крепкокостный мужчина лет сорока-сорока пяти, с рублеными чертами покрытого глубокими морщинами лица, поднес микрофон рации ко рту и привычно вдавив тангенту произнес, стараясь как можно четче выговаривать каждый звук:

– Я – Гетман, я – Гетман, слышу тебя, Инжир. Прием.

Он уже почти знал, что услышит в ответ. Все же есть нечто необъяснимое, но хорошо знакомое любому вояке, некое шестое чувство. Что-то сродни предвидению древних пророков, точному, яркому, но бессильному что-либо изменить. Вот и теперь накатило, ударило жарким туманом в голову, и когда рация отозвалась сквозь шипенье эфирных помех он даже не удивился.

– Гетман, птица летит к тебе, птица летит к тебе. Как меня понял? Как понял? Прием, – гортанный голос нещадно коверкающий русские слова бился в замкнутом пространстве боевого отделения, отражаясь от бронированных стенок, ввинчиваясь в глухой рев вышедшей на режим турбины, насмешливо дрожал в такт перемигивающимся разноцветными огнями транспарантам и индикаторам обзора.

Сжавшийся справа на своем кресле первый оператор зло скривился прикусив губу, глаза его сузились превратившись в две щелочки из которых холодно с угрозой смотрели черные точки зрачков. «Птица летит!». Значит, не обошлось, не пронесло, как хотелось бы верить. Но ничего, придут, так встретим, не впервой. Он искоса глянул на мерцающий перед ним зеленоватыми пятнами индикатор угловых координат. Плохо, очень много засветок, русские тоже не дураки, худшего времени для работы зенитчиков не придумать. Выползающее багровым краем из-за горизонта солнце неровно нагревает косыми лучами атмосферу, ползут вверх-вниз струи теплого и холодного воздуха, висит над землей неравномерными скоплениями водяная взвесь конденсата, отражаются от нее поисковые лучи станции обзора, забивая экран индикатора.

тора помехами, непонятной мутью и засветками, поди отличи в этом хаосе сверкающих точек летящую к тебе цель. Первый оператор криво ухмыльнулся, презрительно, по-волчьи вздернув верхнюю губу, обнажая в зверином оскале крупные белые зубы. Ничего, справимся... Как-никак за плечами сотни боевых пусков в самых различных условиях, по целям всех видов и классов, прикрытым помехами, совершающим специальные противоракетные маневры, проводящим групповой налет, хитро прячущимся на малой высоте, примеряясь к рельефу местности, или наоборот подкрадывающимся на пределе досягаемости, почти в стратосфере. Сотни самых разных целей и лишь несколько промахов, да и то не по его собственной вине, а в результате независящих от расчета обстоятельств.

Против воли вспомнился вдруг когда-то украшавший его китель значок офицерской классности, значок на щите которого гордо сияла буква «М». Мастер. Специалист высокого полета, однозначно стоящий выше обозначаемых цифрами классовых категорий. Это звание он заработал немалым потом, а порой и кровью, и до сих пор где-то в архивах Министерства Обороны чужой, ставшей вдруг за границей страны еще можно наверное отыскать аккуратно подшитую в личное дело копию приказа о присвоении ему высшей ступеньки в классной квалификации. Он до сих пор помнил тот день случившийся очень и очень давно, многие годы назад... Тогда у него была другая Родина, не та что сейчас, а прежняя, писавшаяся всегда с большой буквы и только так. Так его сопливым пацаном научили в школе. Теперь от той страны у него осталась лишь мутно-синяя неумело сделанная татуировка на левом плече. Классическая скульптура монументального советского искусства – Родина Мать, вздымающаяся над головой тяжелый меч, и два слова в которых вмещается все: «Абсолютная Родина». Теперь он живет в другой стране, лишь карикатурно напоминающей ту, что была раньше. А в засеченной Инжиром цели находятся те, кому родиной стал другой, кровотокающий обломок Великой Державы. Той самой, которая вручила когда-то перовому оператору офицерские погоны с двумя большими звездами и красными просветами – воинское звание подполковник.

Первый оператор досадливо куснул нижнюю губу, сильно, почти до крови, он не хотел вспоминать свою прежнюю жизнь, не хотел о ней думать, особенно сейчас, когда предстояло стрелять по тем, кто когда-то, вовсе не так и давно, носил такие же точно погоны, а может быть даже и такие же значки с буквой «М». В окрашенном золотистыми рассветными лучами небе сегодня вполне могли оказаться такие же, ученые еще могучей империей, мастера-летчики, что не идут ни в какое сравнение с безответными мишенями по которым он работал в прежней жизни. Нет, стоп! Не думать об этом, не вспоминать! Выбросить все из головы и готовиться к бою. Сейчас его дело – четко сработать, остальное – пьяные слезы, интеллигентские сопли и рефлексии, можно будет позволить себе после. Сейчас же выбросить все из головы, представить, что ты и не стреляешь вовсе, а решаешь обычную контрольную задачу, просто в максимально приближенных к боевым условиям. Иначе никак, иначе в самый неподходящий момент дрогнет рука, скользнет с кнопуля палец и цель не будет захвачена, окажутся потеряны драгоценные секунды... Вот она советская техника, грозная своей простотой. Даже в двадцать первом веке надежный захват цели все еще зависит от выверенной точности движений оператора-человека и никаким электронным прибором не заменить сейчас бывшего подполковника имперской армии с классной квалификацией вне категорий – «мастер».

Первый оператор дважды глубоко выдохнул. Все, теперь он был абсолютно спокоен и уверен в себе, кто-кто, а уж он-то не подведет, что бы ни случилось. Лишь мерно и зло билась в висках нервно пульсирующая, стремительно наполняющаяся адреналином кровь, выбивая привычный ритм наивысшего нервного напряжения.

«Птица летит!» Второй оператор против воли охнул, тут же испуганно зажав рот рукой и глянув на начальника расчета совершенно безумным взглядом. Потом истово перекрестившись, что-то быстро-быстро зашептал мелко шевеля непроизвольно вздрагивающими губами. За ревом турбины не было слышно чего он там лепечет, но начальник расчета неодобрительно

глянувший на него тяжелым взглядом, мог бы поклясться, что второй оператор читает какую-нибудь молитву, «Отче наш», или еще что-то в этом роде. Вот ведь как бывает, бывший боевой офицер, кандидат в члены коммунистической партии, клеймивший на комсомольских собраниях даже невинные армейские суеверия, не говоря уж о каких-то там религиозных предрассудках, в одночасье вышибленный из армии, лишившийся средств к существованию и отброшенный на самую обочину новой лихорадочной гражданской жизни, вдруг превратился в ревностного католика, всерьез поверившего в бога и принявшегося с упоением наверстывать упущенное за годы своего атеистического прошлого. Если бы начальник расчета не так хорошо знал своего второго оператора он обязательно усомнился бы в нем сейчас, видя его огорошенный, растерянный вид, прыгающие губы и широко распахнутые, полные неподдельного ужаса глаза.

Успешность боевой работы зенитно-ракетного комплекса практически полностью зависит от слаженного взаимодействия всего расчета. Если обнаружится хоть одно слабое звено, если вдруг не сработает кто-то из операторов, то все – пиши пропало, успеха не видать, и остальные уже никакими силами не смогут вытащить ситуацию, исправить чужую ошибку. Потому ошалело-контуженный вид второго оператора мог насторожить кого угодно, только не сидящий сейчас на своих местах в самоходной огневой установке давно притертый и сыгранный экипаж. Слишком много было пережито вместе, слишком хорошо они знали друг друга. Потому и начальник расчета и первый оператор и затихший в своем кресле механик-водитель были на сто процентов уверены, что когда придет время действовать, второй оператор сделает все как надо, на самом высоком профессиональном уровне, совершив все что возможно, и даже сверх того, а хладнокровьем и убийственной точностью движений вполне поспорит с любым другим номером расчета.

– Инжир, Инжир, – все так же размеренно и четко выговаривая слова произнес начальник расчета. – Прошу целеуказания, прошу целеуказания, прием.

– Гетман, я говорю к тебе летит, к тебе... Слышишь меня? Прямо на тебя, большая птица и две средних.

– О как! – недобро ощерился первый оператор. – Братья славяне, решили целой компанией пожаловать.

– Вот муфлон черножопый, – горестно вздохнул меж тем начальник расчета, предусмотрительно отпустив тангенту микрофона и, укоризненно покачав головой, продолжил уже в эфир: – Инжир, прошу целеуказания по птицам. Азимут движения, угол места цели и дальность от меня. Азимут, угол места и дальность. Как меня понял, прием.

– Понял тебя, понял, – гортанно отозвался Инжир и надолго задумался.

– Вот свяжись с уродами, – нервно ударил себя кулаком по колену первый оператор. – Говорил, надо было полностью комплекс разворачивать, сейчас бы получили ЦУ с командного пункта и никаких проблем, милое дело!

– Ага, – едко отозвался начальник расчета. – Только кого бы ты посадил на КП и СОЦ интересно знать? Такого же черножопого грызуна? Он бы тебе ЦУ навывадал, замучился бы обрабатывать. Нет уж, надеяться можно только на себя, благо у нас полный расчет.

– Ну вот, – не сдавался первый оператор. – Вот Руслан и сел бы на КП, нам то на хрен водитель не нужен. Все равно никуда не поедет. А он бы там вполне справился, чем здесь просто так булки просиживать. Верно говорю, Русланчик?

Водитель в ответ лишь неопределенно хмыкнул, так что непонятно было соглашается он с идеей товарища, или наоборот полностью ее не одобряет.

– Ну да, никуда не поедет, как же, держи карман, – ухмыльнулся начальник расчета. – Так тебе и дадут спокойно шмалять с одной и той же позиции. Это ж наши там летят, русские, а они не пальцем деланные, тоже небось в военных училищах учились.

Спор между начальником расчета и первым оператором был давний и велся уже почти неделю с периодическими затишьями и перемириями. Конечно, стрелять классически, как по учебнику полностью развернутым комплексом гораздо удобнее, чем одной СОУ в автономном режиме. В этом случае станция обнаружения целей, та самая СОЦ, что упомянул вгорячах начальник расчета, еще на дальних подступах засекала бы любой движущийся в воздухе объект, перекинула информацию о нем на КП, а уж там грамотный расчет произвел бы и распознавание цели и расчет данных для целеуказания на огневые установки и вообще все, что касается всяческих и любых вычислений. Стрелкам осталось бы лишь своевременно включиться в отработанную схему и давануть кнопку пуск. Но вся эта идиллия возможна была лишь при нормально обученном и тренированном расчете на СОЦ и КП, а расчета-то как раз таки и не было. Ну не вышло у старых ПВОшников несмотря на все старания за столь короткое время вдолбить в головы своих грузинских учеников хотя бы минимальные навыки работы на казавшейся тем неоправданно сложной технике. Оттого и было принято решение об автономной работе всего с одной пусковой установки, зато полностью укомплектованной, пожалуй, лучшим экипажем за все время существования комплекса «Бук». «И один в поле воин, если он профессионал, а против него любители!», – наставительно подняв вверх указательный палец изрек, подводя итог долгим препирательствам начальник расчета. Теперь изреченный афоризм им предстояло проверить на практике.

– Кто в нормальных училищах учился, уже давно на дембеле, – неожиданно для всех включился в дискуссию второй оператор. – Это так, недоноски без налета и практики, солдаты демократии, блин. Взлетать научили, а про посадку объяснить забыли. На фиг мол, обратно с такими навыками один хрен не вернуться.

– Ну да, ну да, – хмыкнул водитель. – Выше нас только звезды, круче нас только яйца. Кто в советской армии не служил, тот вообще ни на что не годен. Вот сейчас всыпят они нам по самое не балуйся, тогда и поглядим, что запоешь...

– Не всыпят, – привычно оскалился первый оператор. – В автономе, без обмена с КПшкой и СОЦкой, они нас даже не засекут, вот увидишь! Пока мы им не врежем, эти налетчики и не почешутся. Хочешь, забьемся на коньяк?

– Ну а я что говорю? – довольно ухмыльнулся, хлопнув его по плечу начальник расчета. – Сам признался, что одним работать лучше?

Первый оператор уже открыл было рот, чтобы что-то ответить, как перебивая его из рации прорезался наконец Инжир.

– Гетман, Гетман, я – Инжир, слышишь меня? Прием.

– Да слышу, слышу, – пробурчал начальник расчета, скорчив остальным уморительную рожу и заявив: – Ни фига себе, братва, наушники говорят!

Второй оператор на заезжанную шутку откликнулся нервным смешком, остальные едва улыбнулись.

– Гетман, птицы идут с двенадцати часов, как понял? С двенадцати часов, с полуночи.

– Во дебил! – восхитился вслух первый оператор. – Это он что, нам вместо азимута?!

Начальник расчета нетерпеливым жестом заставил его замолчать.

– Понял тебя, Инжир, понял. Сообщи дальность до птиц, дальность. Прием.

– Дальность от меня сорок километров, сорок километров, как понял? Прием.

– Понял тебя, понял, конец связи, прием.

– Конец связи, – подтвердил довольный тем, что справился с порученным трудным делом Инжир.

– За неимением гербовой будем писать на простой, – вздохнул начальник расчета, разводя руками, насколько позволяла теснота боевого отделения. – Сорок километров от него, это чуть больше семидесяти от нас. Значит времени на раскачку у нас, пацаны, не осталось. Скоро эти орлятки будут здесь. Все, встаем в «Обзор» и пасем все что движется с севера.

– Давно в «обзоре», командир, муть на индикаторах видишь? Хрен тут разберешь без нормальных ЦУ... – недовольно проворчал первый оператор, тем не менее чутко склоняясь над мерцающим зеленой индикатором угловых координат и всматриваясь в мельтешение испятнавших его ярких точек.

Начальник расчета в ответ лишь вздохнул. Конечно гражданские специалисты срочно мобилизованные Михой Саакашвили и сидящие сейчас за пультами управления большим авиационным радаром в Гори не шли ни в какое сравнение с нормальными армейскими операторами, а ценность их целеуказаний была весьма относительной. Но в любом случае главную свою задачу они выполнили – предупредили о приближении самолетов, а это уже не мало. Теперь СОУ и сама в состоянии обнаружить и уничтожить цель, а возможно и несколько целей, если раньше интернациональный экипаж не словит кошмар любого зенитчика – противорадиолокационную ракету, в просторечии пээрэрку. А ведь у идущих в сопровождении большой птицы штурмовиков наверняка найдутся таковые в запасе и пустить их в ход они не преминут едва только засекут скользнувший по ним луч бортовой РЛСки. Украдкой, чтобы не заметили остальные, начальник расчета мелко перекрестился. «Помоги Господи рабам своим, позволь пережить эту заваруху, укрепи руку и волю...»

– Гетман, Гетман, это Инжир, ответь, Гетман... – голос грузинского связиста дрожит и захлебывается от волнения, он глотает окончания слов и коверкает их чудовищным акцентом.

Отвечать не хочется, наверняка грызун опять выдаст какую-нибудь глупость, и она собьет то своеобразное боевое настроение, единение экипажа и бездушного покорного металла, что уже воцарилось в машине. Но связист не унимается и начальник расчета все же с неохотой отжимает тангенту.

– Я – Гетман, слышу тебя.

– Гетман, средние птицы уходят на запад, слышишь меня? Средние птицы уходят, большая идет без прикрытия, тем же курсом. Как понял?

– Понял тебя, понял, – теперь от возбуждения рвется уже голос начальника расчета, новость и вправду оказалась важной. – Готов к встрече большой птицы.

Первый оператор зло улыбается одной половиной рта, щерит в оскале крепкие, пожелтевшие от никотина зубы, его рука нежно ласкает кнопочку, взгляд не отрывается от индикатора, пронзая светящееся марево, стараясь отделить реальную цель от помех.

– Вот он! – тихий и сосредоточенный голос первого оператора каким-то чудом перекрывает рев работающей турбины, бьет по натянутым до предела нервам, заставляет невольно вздрогнуть, сжавшись всем телом.

Выверенное движение руки и крошечная отметка на индикаторе попадает в плен двух ярких тире. Есть захват.

– Есть захват. Есть сопровождение, – все так же тихо и монотонно бубнит первый оператор.

Турбина ревет забивая уши привычным звоном и гулом, но то, что говорит сейчас первый все равно слышат все. Может быть даже не слышат, а воспринимают неким телепатическим образом, через протянувшуюся между вступившими в резонанс разумами невидимую нить вневещественного восприятия.

На индикаторе секторного обзора загорается захваченная точка и начальник расчета впиивается в нее глазами. Справа вверху прыгают красные цифры дальности.

– Дальность пятьдесят три.

– Не подтверждаю. Цели нет, – бросает через плечо второй оператор, припавший к телевизионному оптическому визиру.

В принципе на этой дальности в ТОВ уже можно отлично разглядеть самолет, но сейчас в предутренних сумерках на оптику надежды мало. Хотя второй номер профессионал и умеет как никто другой различить хищную черную точку скользющую в поднебесье к прикрываемым

рубежам. Взгляд начальника расчета привычно скользит по мигающей мешанине непонятных для непосвященного контрольных ламп, транспарантов и индикаторов, скользит ни на чем не задерживаясь и даже не пуская полученную информацию в сознание, на уровне вбитых в подкорку безусловных рефлексов отмечая нормальную картину функционирования всех приборов и систем.

– Михалыч, скорость, – тихонько подсказывает заглядывающий через плечо механик-водитель.

Начальник расчета, матерно крикнув, впирается взглядом в табло измерения скорости цели. Оттуда ему прямо в лицо издевательски ухмыляются жирными телами подсвеченных неоном трубок два нуля.

– Скорость ноль. Это местник.

– Сброс сопровождения, – дисциплинировано отзывается первый оператор. – Веду поиск.

Местник явление довольно частое, хорошо знакомое любому зенитчику. На ПВОшном жаргоне так зовется местный радиоконтрастный объект, от которого может быть отражен поисковый луч РЛСки: опора линии электропередач, куча металлолома, сгнивший остов брошенной машины, иногда даже взмокший после дождя участок скоростного шоссе. Для оператора на экране угловых координат все это будет выглядеть практически одинаковыми святающимися точками ничем не отличающимися от вражеского самолета, или крылатой ракеты. В режиме «обзора» такую «цель» вполне можно захватить, и даже пустить по ней ракету, если вовремя не проверить изменение скорости.

– Вижу цель, – обманчиво спокойно говорит первый оператор. – Есть захват. Есть сопровождение.

– Дальность пятьдесят километров ровно, – вторит ему начальник расчета. – Скорость сто двадцать метров в секунду.

– Подтверждаю, – резко бросает взглядывающийся в ТОВ второй оператор. – Цель – стратегический бомбардировщик класса ТУ-22.

– Что? – невольно оборачивается к нему первый номер, в глазах плещется безмерное удивление смешанное с недоверием. – Да он же нас сейчас в пыль сотрет, как только засечет подсвет!

– Что слышал, – досадливо бормочет второй. – Есть синхронизация по дальности.

На какое-то время в боевом отделении повисает тягостное молчание. В экипаже опытные, прослужившие не один год в имперской армии профессионалы, они как никто другой понимают, что стратегический бомбер им не по зубам. Вооруженная мощными противорадиолокационными ракетами летающая крепость не может быть в принципе атакована зенитно-ракетным комплексом средней дальности. Для противоборства с этой машиной существуют другие более мощные и дальнобойные средства. Им же сейчас остается только уповать на внезапность, на то, что летчики их не заметят до того, как машина стратега вползет в зону поражения. Иначе просто размажут ПРРками с предельной дальности, не дав даже огрызнуться.

– Сорок восемь, сорок шесть, сорок четыре... – сам того не замечая вслух ведет отсчет дальности начальник расчета с ритмичностью метронома отмеряя отпущенные им секунды жизни.

Второй оператор расширив глаза не мигая впился в экран ТОВа, если не пропустить момент пуска ПРРки, есть шанс что-то предпринять, он не очень знает что именно, но все равно напряженно взглядывается в силуэт плывущей навстречу смерти, ожидая, когда же она обнаружит нелепую жестяную коробку с задранными в напрасном посыле к небу ракетами. Обнаружит и нанесет удар. Точно так же, как человек не задумываясь и не сильно нервничая походя прихлопывает снятым с ноги тапком неудачно попавшегося на глаза таракана. Без гнева и без жалости, не отвлекаясь от действительно важных дел.

Первый оператор кусает губы, силло повторяя за начальником расчета:

- Сорок два, сорок... Тридцать восемь... Тридцать восемь!
- Тридцать восемь! Он в зоне! Они нас прохлопали! Еще повоюем!

Начальник расчета, еще не вполне веря неожиданному счастью лихорадочно шелкает тумблерами, турбина отзывается надрывным ревом и скрипом, где-то там, снаружи, над головами расчета арт. часть задирает к небу хищные головки ракет.

– Выдал «Цель», есть «зона-1», есть «готовность», есть «разрешение пуска», – привычно выкрикивает начальник расчета, неизвестно для кого комментируя свои действия.

– Сопровождение устойчивое! – возбужденной скороговоркой выпаливает первый оператор.

- Подтверждаю, – спокойно басит второй.

Палец начальника расчета отбрасывает защелку кнопки пуск, ключ к этому времени уже давно повернут в «боевое». Металлическая кнопка, плоская и широкая, холодная на ощупь, легко уходит под нажимом в поверхность пульта. Где-то над головой, перекрывая вой турбины, вспухает оглушительный, бьющий по барабанным перепонкам рев. Запустился двигатель атакующей ракеты. Боевая машина плавно подается вперед и тут же откатывается назад. Все, есть сход.

- Есть сход! Пошли поправки на изделие! – привычно бубнит под нос первый оператор.

Начальник расчета напряженно кусает губы и вдруг неожиданно даже для себя самого тянется к тумблеру подсвета и одним решительным шелчком отбрасывает его в нулевое положение.

- Ты что, охренел? Что делаешь?!

Лицо первого оператора стремительно бледнеет, на глазах утрачивая живые краски, превращаясь в полутьме боевого отделения в гротескную маску театра абсурда. Водитель, тоже засекавший движение руки начальника расчета, напряженно сопит за спиной. Второй оператор не отрывается от ТОВА, он поглощен своей работой и ни на что не обращает внимания.

– Они же наши... Русские... – беспомощно разводя руками шепчет начальник расчета. – Как же мы...

Он говорит настолько тихо, что услышать его абсолютно невозможно, но первый оператор отлично считывает смысл сказанного по шевелящимся губам. На его скулах твердеют и начинают перекатываться желваки, губы сжимаются в тонкую жесткую нитку, глаза зло прищуриваются.

– Ты что, совсем дурак, командир?! Это был наш единственный шанс! Сейчас твои русские от нас мокрого места не оставят! На хрен решать за всех?! Да еще так глупо!

– Подлета не наблюдаю, – растеряно тянет второй оператор, полностью пропустивший эту перепалку. – Братцы, подлета нет!

- А его и не может быть, – меланхолично соглашается со своего места водитель.

Конечно не может, зенитная ракета комплекса «Бук» наводится на цель по отраженному сигналу подсвета, который идет от СОУ. Отрубив подсвет, начальник расчета лишил ракету сигнала наведения, заставив ее тем самым лихорадочно крутиться в пространстве в поисках ставшей вдруг невидимой цели. Через три секунды беспорядочных метаний на ракете сработала схема самоликвидации безобидно подорвав семидесятикилограммовую боевую часть в воздухе.

– Мы должны были их хотя бы предупредить, что будем стрелять, – жалко бормочет начальник расчета. – Ведь это же наши, наши, как вы не понимаете... Они увидели пуск и теперь развернутся и уйдут... Поймут, что обнаружены и их есть чем встретить и отвалят назад, не станут рисковать...

Все понимают, то, что он сейчас говорит – бред. Просто это очень тяжело в первый раз выстрелить по своим, по тем, кто когда-то стоял с тобой под одним флагом, носил такую же форму и те же звезды на погонах. Плевать, что с тех пор прошло много лет, плевать, что давно

разделили границами, государственными языками и паспортами, плевать, что давно уже нет ни той страны, ни той армии, ни того флага, все равно в небе сейчас свои, те, пустить по которым ракету так же нелепо, как выстрелить в самого себя.

– Они уйдут... Поймут и уйдут... – словно заклинание бормочет враз сникший, сгорбивший широкие плечи начальник расчета.

– Курс самолета без изменений, – упорно не отрываясь от экрана ТОВа бесстрастно сообщает второй оператор.

Первый оператор ощерившись в злой волчьей ухмылке тянется к командирским приборам.

– Выдал питание на вторую балку, есть готовность, – хрипло сообщает он в темноту боевого отделения. – Может быть еще успеем...

Уже расстопоренная кнопка «пуск» легко уползает в металлическую поверхность пульта под решительным нажимом заскорузлого пальца. Рев запускающегося движка над головой, мерное покачивание тридцатитонной махины. Начальник расчета вновь было дергает рукой, но как-то вяло, расслаблено. Его попытку, сделанную скорее просто для очистки совести, чем для того, чтобы получить какой-то реальный результат, без труда блокирует первый оператор. Он крепко сжимает безвольную кисть в своих жестких пальцах и приблизив лицо вплотную к белеющему в полутьме боевого отделения пятну лица начальника расчета тихо, но внушительно произносит:

– Хватит, командир, мы и так сделали для них все, что могли... Своя рубашка ближе к телу. Лучше четыре их труп, чем четыре наших, какие бы они там замечательные парни не были.

Горящие транспаранты и контрольные лампы отбрасывают на лицо первого оператора красноватые блики, отражаются в его прищуренных глазах сполохами всепожирающего адского пламени. Начальник расчета молча закрывает глаза и откидывается в своем кресле.

– Наблюдаю подлет, – каким-то не своим мертвым голосом произносит второй оператор.

И секунду спустя безвольно уронив руки и с трудом сглотнув подступивший к горлу комок добавляет:

– Есть поражение... Господи, упокой с миром души рабов твоих...

Зенитно-ракетный комплекс «Бук» зенитчики между собой называют еще «убийца летчика». Обстрел его ракетой практически не оставляет шансов на выживание пилота. Точность вывода на цель у головки самонаведения ракеты настолько высока, что промах в пятнадцать метров для нее уже считается недопустимым, а нередки и прямые попадания. Подрыв же на расстоянии менее пятнадцати метров от цели семидесятикилограммовой боевой части состоящей из смеси тротила с гексогеном и тридцати килограммов готовых убойных элементов вдребезги разнесет любую летающую технику. А летчик погибнет однозначно, если не от удара разлетающейся во все стороны металлической насечки, так будет размазан в кашу ударной волной. Единственный способ спастись – катапультироваться едва заметив старт ракеты с земли, чтобы оказаться как можно дальше от обреченного самолета в момент подрыва. Без вариантов, иначе – смерть. Собственно так и поступали израильские пилоты в многочисленных арабских войнах, когда предок современного «Бука», комплекс «Куб» работал на стороне египтян. Порой даже стрелять было не нужно, хитрые потомки фараонов просто сбрасывали с небольшой высоты мешок цемента, имитируя поднявшимся облаком пуск ракеты, и евреи, засекая эти фальшивые пуски, тут же дисциплинированно покидали самолеты.

Все четверо сидящих сейчас в СОУ отлично знали все это и вполне могли себе представить судьбу несчастного экипажа бомбера невесть почему так и не ударившего по ним ПРР-ками и не отвернувшего с опасного курса. Знали и потому сидели молча пряча глаза, стараясь не смотреть друг на друга. Конечно, это совсем не то, что убить человека в рукопашной, глядя ему в лицо, слыша его предсмертный хрип, вдыхая тяжелый запах свежей крови. Но сути это

совершенно не меняет и кровь на руках все равно остается, даже если ее не видно, даже если она мириадами капель расплескалась в воздухе, на высоте нескольких километров. Все равно она выступит рано или поздно на ладонях убийц несмываемой каиновой печатью.

– Парашют, вижу парашют! Еще один! – вдруг заорал в голос второй оператор, тыча пальцем в ТОВ. – Смотрите там парашюты!

– Да ну! Не может быть! – навалившись на товарища всем телом первый оператор припал к экрану визира. – Точно! Ты смотри, живы!

– Живы! – радостно подхватил перегнувшийся со своего сиденья и заглядывающий операторам через плечо водитель.

Они радовались этим распутившимся в небе куполам словно дети. Радовались так, будто это как-то снимало с них вину в случившемся. Радовались, стараясь не думать о том, что куполов всего два, тогда как летчиков должно быть четверо. Да и под куполами вполне могли болтаться лишь нашпигованные осколками изуродованные трупы.

Только начальник расчета не принимал участия в общем веселье. Он не смотрел на купола, не протискивался к ТОВу, расталкивая локтями остальной экипаж. Он так и сидел за пультом уронив тронутую сединой голову на руки, и плечи его то и дело вздрагивали. Со стороны можно было подумать, что начальник расчета плачет. Но так мог подумать только тот, кто совсем не знал этого железного человека. Ни один из тех, кто сидел сейчас в боевой машине в такое просто бы не поверил, хотя, может быть, в этот раз они оказались бы не правы. Как знать...

Время героев

Дребезжащий звонок во входную дверь раздался все равно внезапно, хотя Никита провел в томительном ожидании все субботнее утро, благо в школе сейчас были каникулы и он мог располагать своим временем как хотел. И слава богу, страшно даже подумать как бы он извелся если сидел бы сейчас на скучных школьных уроках, зная, что вот-вот в их квартире прозвенит этот волшебный звонок, который даже при большом желании он не спутал бы ни с каким другим.

Звонок надрывался на одной визгливой ноте под уверенно жмущим кнопку пальцем. Так в их дверь звонить мог лишь один человек и случалось это всего один раз в году. Тем не менее ошибиться было просто невозможно, по крайней мере уж кто-кто, а Никита ни за что бы ни ошибся, слишком долгожданным для одиннадцатилетнего мальчишки был стоящий сейчас на лестничной площадке гость.

– Ура! Дядя Витя приехал! – завопил во всю силу своих легких Никита, бросаясь из своей комнаты в длинную полутемную прихожую. – Ура!

Он поперхнулся криком с размаху влетев во что-то мягкое и упруго спружинившее, оттолкнувшее его к противоположной стене коридора.

– Вот ведь бесенок! Чего носишься как угорелый?! Так отца родного приберешь! – с ворчливой укоризной произнес где-то над головой мужской голос.

«Ба! Да это же я головой прямо в папин живот влетел, – сообразил Никита. – Ого! Ну у папы и пузо, прямо как пуховая подушка!» Это неожиданно пришедшее в голову сравнение отчего-то его чрезвычайно развеселило, и Никита заливаясь радостным смехом заскакал на одной ножке по коридору изрядно опережая неторопливо переваливающегося следом отца.

Из спальни в коридор на секунду выглянула мама и делая испуганные глаза, прошептала страшным шепотом выразительно кривя тонкие губы:

– Саша, я же еще не готова! Ну почему он опять раньше времени!

– Ну не знаю, – на ходу добродушно улыбнулся отец. – Наверное сюрприз хотел нам сделать...

– Ничего себе сюрприз! – возмущенно всплеснула руками мама. – Я даже накраситься толком не успела!

– Да ладно, – прогудел похлопывая себя по округлому животу отец. – Витька смелый, он тебя и ненакрашенную не испугается...

– Ух, какой ты все же! – с вовсе ненаигранной злостью прошипела мама поспешно захлопывая дверь в спальню.

Звонок гремел на всю квартиру, похоже гость был настолько уверен, что в этом доме все ему непременно будут рады, что даже не собирался отпустить кнопку, хотя бы из вежливости и деликатности, ну или из жалости к вполне могущим оглохнуть от этого трезвона хозяевам. Никита нетерпеливо скакал возле закрытой на массивный замок с тяжелым железным засовом двери. Если бы только у него хватило сил самому сдвинуть собачку он давно уже впустил бы гостя в дом, но пока об этом не приходилось даже мечтать, видно мало каши ел, слаб еще в коленках. А папа как назло еле идет, переваливая на каждом шагу из стороны в сторону тяжелый отвисающий вперед живот. «Ну быстрее, быстрее же!» – мысленно торопил его Никита вертась перед дверью и не находя себе места от нетерпения.

Наконец папа все же добрался до входной двери и уже заранее расплываясь в радостной улыбке нажал на собачку замка отодвигая в сторону засов, а другой рукой распахивая настежь дверь. Сам он при этом предусмотрительно отошел в сторону. И вовремя потому что в следующую секунду в квартиру ворвался самый настоящий ураган. Вихрем мелькнули горящие золотом пуговицы со звездами, пускающая солнечные блики пряжка широкого офицерского

ремня, погоны с одним просветом и форсистая фуражка с невероятно огромными полями. Никита подхваченный центробежной силой этого затянутого в серое шинельное сукно смерча радостно визжа от подступившей к горлу сладкой жути несколько раз взлетел к самому потолку, после чего был усажен прямо на мамину гордость, покрытую кружевной салфеткой полированную тумбочку для обуви.

А высокий статный офицер уже обнимался с отцом, облапив его крепкой медвежьей хваткой и гулко хлопая по спине огромными ладонями.

– Ну здоров, братишка, здоров... – кряхтел тяжело отдуваясь папа.

– Здоровей видал, на жопу не падал! – грохотал заразительным смехом офицер.

– Нет такого слова «жопа», дядя Витя! – силясь вновь обратить на себя внимание, настаивательно пискнул в полном упоении болтающий ногами на тумбочке Никита.

– Как так нет? Жопа есть, а слова нет? – всплеснув руками удивился офицер, задорно ему подмигивая.

– Но-но, братишка, не развращай мне единственного отпрыска, – шутиливо погрозил пальцем офицеру отец.

– Понял, старшуй! Есть не развращать единственного отпрыска! – вытянулся во фронт офицер, с деланной серьезностью козыряя, улыбающемуся хозяину квартиры, и развернувшись к Никите сурово сдвинул брови: – Понял, рядовой? Верховное командование подтверждает, нет такого слова. Ты был прав, а я ошибался, беру свои слова обратно с извинениями!

– О чем это вы тут? – мелодично пропела возникая в коридоре разодетая как на праздник мама. – Не успел гость приехать, как вы его уже извиняться за что-то заставляете?

– Мадам, Вы как всегда ослепительны, – галантно подхватывая ее протянутую руку и поднося к губам, раскланялся офицер. – Вы даже не представляете каким несчастным я был весь этот год. Лишенный возможности лицезреть Вас, я просто медленно умирал, и лишь сейчас воскресая к новой жизни.

Впрочем Никита со своего места отчетливо видел, что офицер вовсе не целовал маминую руку, а лишь чмокнул губами воздух на солидном удалении от нее. Да и папа смотрел на младшего брата с добродушной улыбкой, отлично понимая, что сейчас он лишь дурачиться от переполняющей его молодой энергии, радостно бьющей ключом жизни и задора. Зато мама при его словах едва заметно вздрогнула и по-девчоночьи заалела щеками, что было видно даже не смотря на толстый слой вечернего макияжа лежащий на лице. Глаза ее при этом виновато бегали по сторонам, не находя себе места и каждый раз скользя вдоль поджарой, гибкой фигуры офицера подозрительно влажнели, наполняясь незнакомым масляным блеском. Папа ничего этого не замечал, Никита же видел все, и эти происходящие всякий раз с мамой перемены будили в нем неосознанное смутное чувство тревоги. Он не умел еще объяснить их себе, но интуитивно чувствовал, что в этом неловком, непохожем на всегдашнее, маминим поведении кроется что-то стыдное, что-то непозволительное, а возможно и гадкое. Дядя Витя тоже замечал, что с мамой что-то не так, Никита часто ловил тот момент, когда он мгновенно хмурился, мрачнел, каменея скулами, спеша отвести взгляд от лучащихся влажным светом маминых глаз, а потом преувеличенно бодро, наигранно улыбался, шутил, балагурил, старательно избегая еще одной встречи с ее взглядом, сосредотачивая все внимание на брате и племяннике.

Вот и сейчас шутовски обыграв галантный поцелуй руки прекрасной дамы и произнеся куртуазный комплимент, он поспешил вновь развернуться к мужской части семьи Севастьяновых.

– Ну, брат, давай, приглашай гостя в хоромы. Или так и будешь держать в прихожей.

– Может, хотя бы сбрую свою для начала снимешь? – добродушно ухмыльнулся папа. – Или гусары в гостях не раздеваются и не слезают с коней?

– Есть, товарищ командующий! – вновь шутливо козырнул офицер. – Приступаю к разоблачению. Эй, малой, – крепкая мозолистая ладонь, нежно проехала по Никиткиной голове, ероша ему волосы. – А ну, отвечай, расстегай это рыба, или мясо?

Никита даже отдаленно не представлял себе, что это за загадочный зверь расстегай, потому лишь захлопал васильковыми глазами, влюблено глядя в притворно нахмуренное дядькино лицо.

– Расстегай, это пирожок такой, – немедленно пришла на помощь мама.

– Роковое заблуждение! – сурово отрезал офицер, одну за другой раздергивая блестящие пуговицы на шинели. – Расстегай – это команда! Вот так примерно. Расстегай!

С этими словами последняя пуговица оказалась расстегнута и серые полы шинели взметнулись как крылья, открывая зеленый мундир украшенный многочисленными значками. Никита тотчас же уставился на них с неприкрытым мальчишеским вождением, и хотя знал он доподлинно, что среди этих блестящих побрякушек не было настоящих боевых наград, но все равно впечатление они производили весьма сильное. Он так и сидел бы с открытым ртом во все глаза рассматривая офицерскую классность, значок парашютиста и училищный ромбик, если бы дело не дошло наконец, до самого интересного. С заговорщицким видом отперев свой дорожный чемодан, приоткрыв его всего на ладонь и заглядывая в узкую щелочку дядя Витя объявил:

– Ну, желающие получить гостинцы, становись!

Севастьяновы послушно изобразили радостную суету, выстраиваясь по ранжиру. Впрочем и изображать особо ничего не пришлось. Сколько Никита помнил дядины приезды, без подарков не оставался никто, причем были эти подарки, как правило, дорогими и необычными, уж что-что, а удивить и порадовать единственных родственников младший брат Никиткиного отца всегда умел. Дядя Витя меж тем тянул время, копался на ощупь в недрах чемодана, делая вид, что никак не может нащупать необходимое.

– Ну, как настоящие гусары, начнем конечно же с нашей единственной дамы. Вот!

Мама удивленно охнула и буквально выхватила из протянутой руки офицера строго вида черную коробку с золотой надписью иностранными буквами на крышке.

– Косметический набор из самого стольного города Парижу, – важно объявил довольный такой реакцией дядя Витя.

– Один знакомый дипломат по случаю подарил, в благодарность за помощь против империалистических агрессоров, – добавил он заговорщицким шепотом склонившись в сторону мужчин и прикрывая рот ладонью.

Старался он абсолютно зря, потому что мама все равно бы его сейчас не услышала, совершенно поглощенная созерцанием содержимого коробочки, состоявшего из множества секций заполненных разноцветной тушью, краской, или что там у них, у женщин, еще используется для создания неземной красоты.

– Ну ладно, – широко улыбнулся меж тем дядя Витя. – Раз мы надежно вывели из строя хозяйку, то подарок для хозяина. Контрабандный товар. В Союзе не достанешь ни за какие деньги. Але оп!

Жестом фокусника он извлек из чемодана огромную квадратную бутылку полную золотистой маслянисто отсверкивающей на солнце жидкостью. На этикетке тоже незнакомые иностранные буквы.

– Да ну? Не может быть! – папа аж задохнулся от удивления, бережно принимая в руки бутылку, словно новорожденного младенца.

– Ничего невозможного для нас нет! – с апломбом заявил дядя Витя, хитро подмигивая Никите. – Самый настоящий американский виски. Именно тот, который пьют загнивающие империалисты.

– Да он же, наверное, бешеных денег стоит! – округлил глаза папа. – Ты, Витька, совсем с ума сошел!

– Гусары денег не берут! – беззаботно отмахнулся от него офицер, роясь в своем чемодане. – А вот вам сувенир из диких казахских степей.

На свет появились вделанные в деревянную подставку два изящных витых рога, щедро покрытые блестящим лаком.

– Вот Женек, принимай. Сам подстрелил, сам спилил рога, сам выделывал...

Все еще не решающийся отпустить драгоценную бутылку папа все же протянул вторую руку и нерешительно взялся за казавшиеся нереально хрупкими в его большой волосатой пятерне витые рожки, несколько секунд неуверенно их рассматривал, а потому вдруг заухал гулким добродушным смехом.

– Ну, Витька, стервец! Родному брату рога подарил! Вот ничего себе подарочек!

Мама оторвалась-таки от французской косметики и быстро глянув в сторону мужа неуверенно прыснула поспешно отводя глаза и густо покраснев. Один дядя Витя, казалось, расстроился.

– Тьфу, блин! Вас женатых не поймешь! Я о таком даже и не подумал! Ведь на самом деле старался, делал, думал, хороший сувенир выйдет. Черт, действительно, ерунда получилась...

– Да ладно, – все еще отдувался, вздрагивая от смеха папа. – Я же все понимаю. В самом деле красиво сделано. Просто очень уж смешно вышло. Надо же, родной брат рога наставил! Жуть!

Мама вновь неуверенно хихикнула, искательно глянув на дядю Витю, но тот старательно не заметил ее вопросительного взгляда, сокрушенно качая головой и хмуря густые темные брови.

– Блин, действительно, неудобно получилось. У нас же там степь, полупустыня. Ничего интересного нет, что привезти можно, никаких диковинок. Вот только это и нашел. Кстати, ты не думай, я этого рогача своими руками подстрелил, да и выделывал их тоже считай сам. Знаешь сколько мороки, очистить, высушить, отшлифовать, лаком покрыть...

– Да ладно тебе, – вновь добродушно загудел папа. – Ишь, завелся, не остановить. Пошутил я, пошутил, хватит уже оправдываться. Замечательный подарок на самом деле.

– Правда? – с надеждой глянул на него покрасневший от неловкости офицер.

– Конечно, правда. Нам очень даже понравились эти симпатичные рожки, – промурлыкала в ответ мама, хотя дядя Витя обращался вовсе не к ней.

Отец в ответ лишь светло по-мальчишески улыбнулся и беспомощно развел в стороны пухлые белые руки.

– Ну раз хозяйка довольна, то и мне сказать нечего. Будем считать, что зачет по дарам в этот раз тобою получен.

Но самый чудесный подарок получил конечно Никита. Впрочем, так бывало всегда, так что удивляться тут было нечему. Хитро улыбнувшись племяннику, дядя Витя долго копался в недрах своего дорожного чемодана, пока наконец не нащупал нужную вещицу. После этого он мучительно долго разглядывал ее в чуть приоткрытую щелочку, делая вид, что раздумывает, отдавать или нет, такую драгоценную штуковину. Никита приплясывал вокруг него от нетерпения, силясь заглянуть через плечо офицера в приоткрытое чемоданное нутро. Наконец, в полной мере насладившись «мучениями» любимого племянника дядя Витя с притворно-горестным вздохом извлек наружу подарок.

Никита тут же выхватил вещицу у него из рук и замер, удивленно ее разглядывая. В мальчишечьих пальцах оказался окрашенный яркой оранжевой краской стабилизатор неизвестной ракеты, сделанный из легкого, но даже на вид чрезвычайно прочного металла. Вот только в том месте, где маленькое крыло должно было крепиться к ракетной обшивке тщательно подогнанные петли с маленькими замочками были будто скручены, так же как сам Никита сворачивал

в трубочку конфетные фантики. Только здесь материалом для детской забавы была отнюдь не бумага, а крепчайший металл. Что за сила могла совершить такое? Но самое интересное было даже не это, а аккуратная дырочка в самом центре стабилизатора, будто проплавленная чудовищным паяльником, так что на обратной стороне даже застыли блестящей лавой выплеснутые в разные стороны потоки металла.

– Вот так-то, парень, – неожиданно серьезно и даже сурово произнес дядя Витя, отвечая на немой вопрос в глазах племянника. – Это осколок вражеской ракеты, сбитой нами. Самый настоящий. А вот эта дырка посредине след от попадания готового убойного элемента нашей ракеты.

Никита затаив дыхание слушал дядины пояснения широко распахнутыми глазами разглядывая кусочек ракеты, которую сделал враг, и которую дядя Витя и его друзья офицеры смогли вовремя сбить, так чтобы она не причинила никому вреда.

– Ладно тебе всякие ужасы мальцу рассказывать, – недовольно прогудел меж тем папа. – Он и так только о ракетах да самолетах думает, совсем учебу забросил.

– А вот это неправильно, – тут же построжал и дядя Витя. – Ты смотри мне, племяш, сейчас в армии знаешь какая сложная техника? Будешь плохо учиться в школе, ни в жизнь потом не освоишь. А коли не освоишь, какой же из тебя ПВОшник получится?

– Боже мой, Виктор, – в свою очередь поджала губы и мама. – Ну о чем ты говоришь? Никитушка не собирается быть никаким ПВОшником, он у нас будет стоматологом. Очень приличная и хорошо оплачиваемая профессия, так что не забивай мальчику голову своими байками.

– Кем? – презрительно скривился офицер. – Стоматологом? Всю жизнь в чужих зубах копать? И это профессия для мужика? Не смешите! Никаких стоматологов, правда, рядовой?

– Так точно! – браво заорал во все горло довольный, что к нему наконец обратились Никита. – Я когда вырасту, буду летчиком! Истребителем, как Мересьев!

После этого вопля лица вытянулись не только у родителей, офицер тоже выглядел изрядно обескураженным.

– Какой еще Мересьев, какой летчик? – удивленно протянул он. – Где начинается авиация, кончается порядок. И вообще, что это за войска которые с голубыми погонами ходят? Нет, дорогой, ты давай еще внимательно подумай над этим делом. А то ведь может получиться так, что в твоём самолете окажутся точно такие же дырки...

– Виктор! – негодующие голоса родителей слились в один.

– Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сбылось, – поспешил загладить неловкость последних слов по-своему расценивший их возмущение офицер.

А потом было праздничное застолье. Лилась рекой водка и вслед за ней лились чудесные рассказы об офицерском житье бытие, так не похожем на обычные серые будни семьи старшего Севастьянова. Раскрасневшийся от выпитого, но ничуть не хмелеющий дядя Витя так и сыпал будто из рога изобилия смешными, а порой и жуткими историями в которых правда так прочно переплеталась с вымыслом, что решительно невозможно было отделить одно от другого и даже просто разобраться где что тоже не получалось. Восхищенно ахала и округляла глаза мама, добродушно посмеивался и все больше проваливался в тупое пьяное забытие папа. А изгнанный за поздним временем в свою комнату Никита исподтишка приоткрыв дверь и припав ухом к открывшейся щели жадно ловил каждое слово, впитывая в себя офицерские байки словно губка. И вставала перед воспаленным мальчишечьим взором покрытая желтой выгоревшей травой казахстанская степь, обожженная вечно торчащим в зените немилосердным солнцем, ревели дизеля боевых машин, отплеиваясь едким солярным выхлопом, лязгали гусеницы и несло куда-то по загадочным путям сезонной миграции огромное стадо дикой сайги в тысячи и тысячи голов, заполнившее собой всю сколько ее видно было вокруг степь. Чужой незнакомый мир, пропахший пряным воздухом степного разнотравья, освещенный сполохами пла-

мени стартующих ракет, полный неизъяснимого очарования и притягательности просачивался сквозь неплотно прикрытую дверь детской спальни, завораживал и манил.

А наутро Никита проснулся от маршевой музыки льющейся прямо в распахнутую настежь несмотря на уже нешуточные ноябрьские холода форточку. В летевающие с улицы бра-вурные аккорды органично вплеталось тяжелое уханье шедшее откуда-то снизу, с покрытого мягким ковром пола. Спросонья Никита никак не мог сообразить, что же это может там так ухать и с трудом разлепив глаза свесился с уютного покрытого мягким пледом дивана на котором спал. Взгляду его предстала весьма удивительная картина: прямо перед диваном раскрасневшийся от усилий дядя Витя мерно отжимался, раз за разом опускаясь голой грудью на пол и тут же с ухающим выдохом вновь распрямляя мощные вздувшиеся мускулами руки. Вот уж чего-чего, а такого Никита от дяди никак не ожидал. Несмотря на то, что родители его к выпивке относились весьма прохладно и подобные застолья случались в их доме отнюдь не часто мальчик уже точно знал, что на утро, после подобных возлияний мужчины обычно тихо лежат в постели жалуясь на слабость и головную боль и продолжается такое, как минимум до обеда, а то и дольше. И вот тебе пожалуйста, полюбуйтесь! Дядя Витя, опровергая все его представления, бодро и весело делает зарядку. А ведь Никита даже не помнил, когда собственно отошли ко сну все никак не могшие наговориться взрослые. Выходит дядя Витя пришел ложиться на подготовленный для него на полу детской комнаты матрас когда сам Никита уже так крепко спал, что этого даже и не заметил. А теперь, вот он, уже всю на ногах и делает зарядку! Чудеса, да и только!

Заметив удивленный взгляд племянника, дядя Витя хитро подмигнул ему не прекращая отжиманий и просипел, сдавленным от усилий голосом:

– Доброе утро, рядовой! Присоединяйся к закаливающим процедурам!

Никита лишь высунувшись из-под теплого одеяла оценил, как же в комнате на самом деле стало холодно, и тут же пугливо юркнул обратно в гостеприимное тепло уютной постели, с веселым ужасом округляя глаза и мотая головой.

– Нет, дядя Вить, я же так совсем замерзну!

– Если хочешь быть здоров – закаляйся! – пропел офицер ловко вскакивая на ноги и одним сильным рывком сдергивая с племянника одеяло. – Подъем, рядовой! Поздравляю тебя с годовщиной Великой Октябрьской революции!

– Ура! Ура! Ура! – завершал подпрыгивая на диване Никита.

Действительно, он с приездом дяди даже умудрился позабыть, какой сегодня замечательный день, хотя уже давно ждал этого праздника. Вот почему разливается по улице музыка. Наверное, все уже выходят на демонстрацию. Страшное подозрение царапнуло по сердцу – неужели проспал! С запоздалым ужасом Никита оглянулся на висящие на стене часы и облегченно перевел дух, мерно отсчитывающие время стрелки показывали самое начало восьмого, до сбора в школьном дворе оставалось еще добрых полтора часа, можно было не волноваться.

– Дядя Витя, дядя Витя, – ликующе затарахтел Никита, повисая на твердом, состоящем казалось из сплошных тугих перекатывающихся под кожей мышц плече офицера. – Пойдем со мной на демонстрацию! Знаешь, как там здорово! Там парад будет, настоящие солдаты придут, а еще будут продавать всякие вкусности и будет много флагов. Пойдем, дядя Витя!

– Да ты что, – усмехнулся лукаво подмигивая ему офицер. – Настоящие солдаты придут! Ну ради этого, конечно, стоит сходить! А пока, бегом умываться и чистить зубы, а то как же я с таким замарашкой рядом пойду.

Два часа спустя они уже шли в самом центре нарядно одетой толпы школьников одноклассников Никиты. Дядя Витя в шинели с блестящими пуговицами, перепоясанный широким офицерским ремнем в лихо заломленной фуражке шагал неспешно, гордо вскинув голову и расправив плечи. Мальчишки из Никиткиного класса просто умирали от зависти глядя на то, как он вышагивает рядом, стараясь попадать в ногу и подражая независимой походке сво-

его дяди, девчонки искоса поглядывали на молодого красавца-офицера и о чем-то своем глупом девчоночьем пересмеивались. И даже сама Наталья Николаевна, их классный руководитель, нет-нет да и кидала на дядю Витю заинтересованный взгляд, при этом отчаянно краснея и смущаясь. Колыхались на ветру транспаранты и красные флаги, гремела бодрая маршевая музыка, четко печатали шаг солдаты местного гарнизона, нестройными колоннами цвета улыбок и что-то крича топали гражданские, радостно верещали, то и дело выбиваясь из общего строя школьники, похрустывал под ногами мягкий только выпавший снег и конечно же везде вдоль улиц по которым проходили колонны теснились торговые лотки с которых краснолицые, задорно улыбающиеся тетки-продавщицы продавали пирожные, шоколадные конфеты и стынувший на морозе лимонад. В тот день прижимающийся щекой к колючему сукну офицерской шинели, сжимающий в руке выпрошенное под клятвенное обещание ничего не рассказывать маме эскимо, ловящий на себе завистливые взгляды товарищей Никита был счастлив. Так по-детски, незамутненно и полно счастлив, как не будет больше счастлив никогда в жизни.

А еще была услышанная случайно уже после отъезда дяди Витя мамина фраза в которой звучали тоска и сожаление:

– Ну почему ты не военный, почему не гусар, как он...

Эти слова видно вырвались случайно и мама тотчас пожалела о них, но было уже поздно, сказанного не воротишь. Он видел, как обычно большой, занимающий почти все пространство любой из комнат их квартиры веселый и шумный отец, неожиданно будто сдулся, опал и из добродушного великана, вдруг превратился просто в усталого, стареющего человека с большим неуклюжим животом и грузной расплывшейся фигурой. Никиту будто резануло мгновенной обидой за мать, за то, что она могла такое сказать отцу и вместе с тем он четко ощущал ее правоту. Да, тихий и вовсе не героический бухгалтер, конечно не шел ни в какое сравнение с романтическим образом своего младшего брата, державшего в крепких мускулистых руках ключи от мирного синего неба раскинувшегося над лучшей в мире страной – Союзом Советских Социалистических Республик. И поделаться с этим ничего было нельзя.

«Я не буду таким как отец, – неожиданно даже для себя самого, трезво и спокойно, повзрослому, подумал в тот момент Никита. – Не буду пресным и скучным. Что толку от жизни, если в ней нет романтики и приключений. Я буду другим. Я... Я стану военным летчиком!»

Гость из прошлого

Хохлы подъехали ближе к ночи. Лязгнули на стыках рельс в последний раз мощные колеса полувагона, мерно отсчитав очередной такт движения, зашипел, отцепляясь от маленького состава маневровый локомотив и дав прощальный свисток потянулся обратно к центральной железнодорожной ветке постепенно ускоряя ход. Все, дальняя дорога закончилась прибытием в точку назначения.

Дежурный по испытательному центру подполковник Осипенко мрачно оглядел исподлобья замершие на рампе полувагон и теплушку. Прибытие гостей настроения дежурному отнюдь не добавило. Он уже предчувствовал все связанные с ними хлопоты и тревоги и мысленно проклинал и железнодорожников, соизволивших притащить сюда посланцев сопредельного государства именно в его дежурство, и самих хохлов, вздумавших вдруг проводить испытания своих ракет на российском полигоне, и промышленников задуривших головы доверчивым иностранцам, убедив их в необходимости подобных работ.

С этим и впрямь история получилась довольно забавная. В 91-ом году, когда лихорадочно делили имущество почившего в бозе СССР, оторвавшиеся от центра самостийные и национально-независимые обрывки того лоскутного одеяла из которого некогда состояла великая империя с увлечением хапали себе и оказавшиеся на их территории куски имперских вооруженных сил. Причем если людей в погонах особо никто не держал, справедливо полагая, что найдутся вместо них верные кадры близкие по крови, то вооружение старались сохранить в полном объеме, не позволяя вывезти из республики ни одного лишнего патрона. Плевать, что для эксплуатации современного оружия нужны знающие специалисты и особое оборудование, даст Бог с этим разберемся после, пока же нужно сохранить, то, что по счастью оказалось на ставшей вдруг в одночасье суверенной территории. Так получилось в свое время и с несколькими бригадами войсковой ПВО армейского подчинения дислоцировавшимися в то время на незалежной ныне Украине. Бригады, укомплектованные зенитно-ракетными комплексами «Бук», перешли в собственность украинской армии и составили основу противовоздушной обороны вновь образованного государства. И все было бы просто прекрасно, если бы завод-производитель продолжал периодически обновлять бригадный запас ракет, заменяя вновь выпущенными образцами те, у которых вышел срок гарантийного хранения. Но завод несмотря на все преобразования остался там же где и был – в подмосковном городе Долгопрудный и снабжать своими изделиями армию достаточно враждебно относящегося к России государства не спешил. Впрочем в связи с общей разрухой и неустроенностью он и для родной российской армии выпускал ракеты в очень ограниченном объеме, никак не покрывавшем ее нужд. Зато поддерживая новомодные конверсионные веяния спешно перепрофилировал несколько цехов на выпуск алюминиевых кастрюль и скороварок.

Срок эксплуатации у зенитных ракет весьма невелик, десять лет гарантии, а дальше завод снимает с себя всякую ответственность. В идеале это означает, что ежегодно в войсках уничтожается лежащая на складах партия ракет, выпущенных десять лет назад, а вместо них закладывается свеженькая, изготовленная в этом году. Этаким круговорот ракет в природе. Однако подобное было хорошо для Советского Союза с его мощным военно-промышленным комплексом. Хиленькой Эрэфии подобное расточительство явно не под силу. Не вытягивают производственные мощности, нет в стране денег на оплату труда заводчан. На покупку английских футбольных клубов есть, на загулы олигархов в Куршавеле тоже найдутся, а вот на зенитные ракеты никак не наскрести. Однако выходить из положения как-то надо. И умные головы в управлении заказов и поставок Министерства Обороны придумали хитрую штуку под названием – испытания с целью продления сроков технической пригодности. Выглядит это примерно так: из партии десятилетних ракет отбирают штук пять и отправляют на испытательный

полигон, там их отстреливают и делают заключение, что ракеты нормально летают, в утиль их списывать еще рано и можно продлить им срок эксплуатации еще на пять лет. Потом еще на пять, и еще, и еще... Сейчас в наших армейских частях вполне можно встретить стоящие на боевом дежурстве ракеты выпущенные еще в Советском Союзе с благополучно продленными сроками эксплуатации уже до двадцати пяти годков... И плевать, что такие ракеты очень редко поражают цели на испытаниях, сошла с боевой машины, куда-то полетела, никого при этом не убила и не взорвалась раньше времени, значит исправна. Продляем сроки технической пригодности! Ура!

Вот об этих наших эволюциях и прослышали украинские вояки, уже давно озабоченные тем, что весь их ракетный парк безнадежно устарел, а обновить его негде. Ну а прослышав, естественно, обратились на завод изготовитель ракет с письмом-запросом. Можно ли считать, что и находящиеся в незалежной Украине ракеты также технически пригодны, несмотря на прошедшее время. Если уж совсем по-честному, то заводчане должны были в ответ направить хохлам копии актов последних испытаний, изделий тех годов выпуска, что имелись на Украине. Разницы никакой, клепали их на одном и том же заводе, хранили и эксплуатировали по одним и тем же инструкциям. Однако, нет, шалишь! Нынче настали времена рыночные, на халяву никто даже не чихнет. Потому директор завода посовещавшись со своими конструкторами накропал в ответ депешу: «Дескать, рады бы помочь вашему горю, да никак не выходит, ракет ваших в глаза не видали, ничего сказать не можем. Вот кабы вы прислали нам штучки четыре случайно выбранных, так мы бы их честь по чести испытали и проверили, а потом уж и заключение для вас подготовили. Ну за полномасштабные испытания и заплатить конечно придется серьезными деньгами. Однако выхода другого у вас, дорогие товарищи, сами понимаете, нет. Новых ракет на замену вам взять негде. А старые советские изделия без проверки пускать опасно».

Хохлы поломались для приличия, репу почесали, но в конце концов все же согласились. И вот те самые четыре отобранные со всех украинских арсеналов ракеты торжественно въехали в полувагоне на рампу российского испытательного центра. Случилось это эпохальное событие глубокой ночью. Российским железнодорожникам само собой были глубоко по хрену нужды ракетчиков сопредельной стороны, потому ради двух вагончиков никто отдельный тепловоз выделять не стал и добирались они до места назначения на перекладных, цепляясь то к одному попутному составу, то к другому. Понятно, что при таких условиях подгадать заранее время прибытия в пункт назначения практически невозможно. Вот так и вышло, что в испытательном центре протрубивший у запертых ворот на разгрузочную рампу маневровый локомотив с двумя прицепленными вагонами встречали не командир с заместителем по вооружению, а оставшийся на ночное время полномочным хозяином части дежурный офицер.

Осипенко с опаской следил за тем, как из распахнувшейся двери теплушки на бетонной рампы один за другим спрыгивают военные в непривычном украинском камуфляже. Старший молодецкой широкоплечий подполковник вразвалочку подошел к застывшему дежурному и небрежно козырнув представился:

– Подполковник Померанец, Сбройные Силы Украины. Сопровождаю ракеты для испытаний.

– Подполковник Осипенко, – тоже бросив ладонь к козырьку отрекомендовался дежурный и зачем-то добавил, вызвав невольную улыбку украинца: – Вооруженные Силы Российской Федерации.

– Слушай, – Померанец сразу же уверенно перешел к неформальному общению, показывая, что все международные сантименты закончены. – Тебя как зовут?

– С-сергей... – огорошено протянул дежурный, в это время напряженно размышлявший, что же ему теперь делать со свалившимися нежданно-негаданно на голову иностранцами.

– Меня, Паша, – Крепкая сухая ладонь на секунду сжала вялую руку дежурного.

– О-очень приятно, – проблеял первое что пришло в голову и более-менее подходило к случаю Осипенко, все еще силившийся найти какую-то правильную линию поведения.

– Взаимно, – отрубил Померанец. – Короче, Серега, это жопа! Мы одиннадцатый день в дороге. Намотались на перекладных по самое немогу. У меня там четыре контрабаса, и начкар – молодой лейтеха.

Украинский подполковник мотнул головой в сторону сгрудившихся у открытой теплушки вояк. Дежурный невольно тоже проследил за его взглядом. Надо сказать, что по виду приезжих вполне можно было поверить, что они одиннадцать дней не выбирались из товарного вагона. Форма казалась обтрепанной, мятой и даже на вид грязной, лица и руки были прокопченными ввевшейся гарью от буржуйки, а отросшие волосы свисали на лбы слипшимися неопрятными сосульками.

– Короче, Серега! – энергично вернул к себе внимание дежурного украинец. – Нужна баня, нормальные койки и, если есть возможность, путевая жратва. А то столько времени на одном сухпае сидим, что уже кишки друг за дружку заворачиваются.

– А как же это... Ну ракеты... – сделал последнюю попытку отпихнуться от свалившихся на него неплановых проблем дежурный.

– Летела ракета, упала в болото. Какая зарплата, такая работа! – неожиданно изрек давнюю полигоновскую шутку Померанец, расплываясь в улыбке. – Чего, сдать под охрану некому?

Дежурный виновато развел руками, ему понятное дело не улыбалось принимать под охрану чужих «птичек». Мало ли, отвечай потом...

– Понятно, – сплюнул в сторону украинский подполковник. – Ладно, херня. Сейчас своих выставлю, поохраняют поочереды. Небось не помрут дармоеды. Давай так – мои контрабасы ночь пополам ломают. Но остальным ты уж организуй нормальную встречу. Мы же гости как-никак...

– Гости, это понятное дело, – обреченно вздохнул дежурный. – Только вы все же иностранцы. Режимный объект и все такое, сам понимаешь...

– Чего? Это с каких пор хохлы с кацапами иностранцами стали?! – вполне естественно возмутился Померанец. – Я между прочим самый натуральный русский, хоть и кокарда с «вилкой» на шапке. А ты, чуется мне по фамилии, как раз наоборот, хохол с «орлом-мутантом». Так, нет?

– Ну...

– Баранки гну! Ты чего, брат, совсем поляну не стрижешь? Мы же не фрицы тебе какие и не юсовцы. Такие же как и ты вояки. Я, если хочешь знать, до девяносто первого года тоже на испытательном полигоне служил. В Казахстане...

– А где в Казахстане? – тут же оживился дежурный.

Мир испытателей-ракетчиков тесен, всегда найдутся общие знакомые, одни и те же места службы.

– На Эмбе, где же еще войсковая ПВО испытывалась?! – вновь блеснул металлическими коронками Померанец.

– Правда? А когда служил...ли?

Украинский подполковник выглядел ошутимо старше дежурного по возрасту и Осипенко никак не мог решить стоит ли обращаться к нему на «вы», или все же сойдет им же самим предложенное демократичное «ты».

– Ты, брат, со мной во множественном числе не разговаривай. Не люблю, – тут же разрешил его сомнения неожиданно оказавшийся русским хохол. – А служил я там еще при Союзе, до всего этого блядства, что дерьмократы наворотили...

– Может, помните Добронравова, Никитского? – робко поинтересовался дежурный.

– А то, помню конечно! Отличные ребята! Но давай воспоминания потом, смотри, мои орлы уже совсем крылья скукожили, принимай гостей, а за столом все и обсудим.

– Да, конечно, – просиял дежурный. – Сейчас все организуем. В столовой чего пожевать всегда найдется, повара у нас все равно на суточном дежурстве, так что приготовят. Баню не обещаю, но душ с горячей водой найдем. Койки, уж извините, только в казарме. Гостиницы у нас нет.

– Да хрен с ним, пусть будут в казарме. После нар и солдатская кровать – чудо! Сейчас своим очередность «фишки» определю и пойдем.

– Да Вы... То есть ты... – поспешно поправился увидев сдвинувшиеся брови подполковника дежурный. – Не спешите. Я пока пойду, распорядюсь, а ты со своими, потом подходи вон к тому зданию, там на первом этаже дежурка. Дальше я покажу что где.

– Что служили вместе? – панибратски поинтересовался у подполковника начкар, когда дежурный бегом сбежав с рампы зашагал скорым шагом к дежурке.

– Не вместе, просто на одном и том же полигоне. Оно и не удивительно, полигонов то не до фига, – думая о чем-то своем, отмахнулся Померанец.

– А-а... – понятиво протянул начкар. – А эти Добронравов и Никитский они кто?

– Понятия не имею... – и отвечая на невысказанный вопрос на лице начальника караула подполковник наставительно добавил: – Но скажи я ему об этом, остался бы ты без души и горячей жратвы, понял, зелень?

– Ну Вы блин даете... – уважительно протянул молодой офицер.

Гром грянул утром. Командир орал на дежурного так, что тряслись приколоченные к стенам доски с документацией. Помощник благоразумно испарился еще издали слышав грозовые раскаты командирского рыка, а посыльный сжавшись за массивным сейфом дышал через раз опасаясь выдать свое присутствие и отхватить долю начальственного гнева.

– Егитский вы папуас! – ревел командир, наливаясь изнутри свекольным соком бросившейся в лицо крови. – Это же иносранцы! Иносранцы, маму пополам!

Полковник захлебываясь слюной и дальше благополучно пропускал букву «т» в слове «иностранный» превращая его в нечто фривольное и не совсем приличное. Но смешно от лезущих невольно в голову ассоциаций сегодня никому не было.

– Это какого же куя они у вас по режимному объекту расхаживают, как, извините, по Крещатику какому-нибудь?! А?! Вас, вас спрашиваю, наивное очарование! П... п... падший ангел, чтоб вам выстричило! Давно с фээсбэшниками не беседовали?! Так я вам сейчас организую, или что?! Думаете командирская задница шире всех? А вот хер, вам! Тройной вперекладку!

Дежурный стоически бледнел лицом, упорно глядя поверх головы низкорослого полковника то и дело подскакивавшего от полноты чувств на носки. Бледнел и молчал, сказать в свое оправдание было нечего. Все было так, как говорил командир. Да, иностранцы, да, разгуливали тут, как у себя дома по Крещатику и напоролись весело смеющейся компанией как раз на командирскую «волгу». Можно было конечно поспорить насчет того, могут ли считаться настоящими полновесными иностранцами те, что служили с тобой когда-то в одной армии, с детства росли в одной с тобой стране и говорили на одном языке. Но ни к чему хорошему это бы не привело, с формальной точки зрения командир был во всем прав. Граждане иностранного государства, даже паспорта в карманах не наши с орлами, а чужие, с непонятной вилкой и жовто-блакытным флагом. Иностранцы, как есть иностранцы. «Но это же ерунда полная, – упрямо набычившись думал про себя несчастный дежурный. – Вон сколько лет полигон в Казахстане стоял. Большая половина гражданских рабочих – казахи, причем уже граждане независимого и суверенного Казахстана. И ничего, никто из-за этого паники не поднимал. А

тут подумаешь, позволил хохлятскому караулу в человеческих условиях ночь провести, делово... Что надо было их в теплушке на нарах оставить? Это после одиннадцати дней дороги?»

Выплеснув первый порыв бушевавшего в груди праведного гнева командир постепенно начал стучать и выдыхаться, эпитеты которыми он пересыпал свою образную речь потускнели и все чаще повторялись. Дежурный, видя эти признаки, ухода грозы, мысленно приободрился, надеясь, что все еще обойдется. Но тут в дежурку невесть зачем заглянул начальник испытательного управления, на должности начальника лаборатории в котором и служил Осипенко, и у командира открылось второе дыхание. Не жалея щедрых мазков черной краски он расцвел начальнику управления – молодому полковнику, все перспективы служебного роста, которые его ожидают, если у него в подчинении будут оставаться такие вот... И тут командир произнес двенадцать принципиально не воспроизводимых на бумаге существительных, характеризующих умственные способности сегодняшнего дежурного по испытательному центру.

– Короче, иностранных граждан немедленно загнать в вагон и не выпускать оттуда ни под каким видом. Назначить двух старших офицеров для их охраны. А этого... (только что произнесенные двенадцать слов видно так и плясали на командирском языке) этого... Убери его немедленно с глаз моих, у меня палец к спусковому крючку тянется от вида его довольной рожи! Все! Выполнять!

Хлопнула, обрушив на пол внушительный пласт штукатурки входная дверь и дежурный остался наедине с начальником управления. Тот ожег его неприязненным взглядом и прошипев сквозь зубы нечто невразумительное шагнул в штабной коридор вслед за командиром.

Почувствовав, что активная стадия разноса миновала из-за сейфа робко высунулся посыльный, на свою беду нестерпимо захотевший в туалет.

– Ага! – взревел, завидевший его сутулую фигуру Осипенко и с выражением повторил двенадцать зоологических терминов из командирского арсенала.

– Какого хрена тут грязь такую непролазную развели! Распустились, маму пополам! – добавил он в конце, чтобы как-то обосновать вышесказанное.

Посыльный пулей вылетел из дежурки, мечтая встретить на пути кого-нибудь из бойцов младше призывом, чтобы вывалить на него только что полученную взбучку. Цепная реакция командирского гнева разносилась по части, затухающими сейсмическими волнами.

Севастьянова ими зацепило практически случайно. Практически, потому что, ничего полностью случайного в этом мире не бывает. Случайность – всего лишь не проявленная закономерность, ничего больше. Если с тобой начинают происходить случайности, это значит, что ты делаешь что-то не так. Вот и Севастьянов в тот день не смотря на ветеранский статус и солидный послужной список попался как зеленый кадет, просто утратил бдительность. Ведь любому, даже только что попавшему в Вооруженные Силы щеглу доподлинно известна одна из основополагающих геометрических аксиом этой особой части Мироздания, а именно, что прямая проходящая через начальника всегда длиннее кривой его обходящей. Ну чего стоило Севастьянову просто вовремя свернуть, обойдя стороной несущегося навстречу со значительным лицом, только что надетого на палку филина начальника управления. Ничего не стоило, обошел бы солдатскую чайную с другой стороны, вот и разминулись бы. Нет, не захотел... Кого, мол, нам тут бояться? Вот и нате, получите и распишитесь, тут же вам по полной.

– Севастьянов! Ты чего тут бродишь, прогулочным шагом?! – в глазах начальства стынет вселенская бездна, полное ощущение того, что своим появлением ты отвлек его от решения неких космических задач и теперь оно с трудом пытается сосредоточиться на тебе – букашке, чтобы вспомнить кто ты вообще такое и зачем тут шляешься на пути.

– Да вот, на вещевой склад ходил, а там закрыто чего-то... – на всякий случай соврал Севастьянов.

Военнослужащий, даже если ни в чем не виновен, правду говорить начальству не приучен и не станет этого делать в любом случае, хотя бы просто для тренировки. «Дабы не отвыкнуть!» – делая значительные лица говорили при этом главные военные негодяи центра.

– Что-то ты мне нужен был... – не остался в долгу наморщив лоб начальник управления, хотя еще несколько секунд назад он в упор не помнил о существовании на этой планете какого-то там Севастьянова.

– Угу, угу... – тут же изобразил вежливое внимание и готовность к исполнению Севастьянов, одновременно бочком продвигаясь в обход задумавшегося начальства. – Ну если что, я у себя буду...

Однако, так дешево соскочить на этот раз не удалось.

– А! Вспомнил! – «обрадовал» начальник управления. – Возьми кого-нибудь из своих и топай на рампу. Там полувагон с хохляцкими ракетами и теплушка с караулом. Заступаете на охрану этих объектов. Только быстро, быстро!

– Но, тогда... Мне бы это... Смениться до вечера, а то у меня племянник гостит... Два года не виделись... – попытался было возразить Севастьянов.

– Не знаю, пока! Не знаю! Потом все подробно объясню! Главное сейчас быстро на охрану, времени нет! – тут же подавил в зародыше его порыв начальник управления, и прежде чем несчастный офицер вновь открыл рот испарился из виду, довольно потирая руки.

– Твою мать! Только этого не хватало! – смачно выругавшись Севастьянов неспешно двинулся к солдатской чайной, теперь торопиться куда бы то ни было уже явно не имело никакого смысла.

Ближе к вечеру Севастьянова все же выпихнули на рампу. Несмотря на приехавшего в гости племянника и все отмазки, какие только успело сочинить за это время изворотливое воображение подполковника. Никого из своих офицеров в пару на эту незапланированную ночевку Севастьянов решил не брать, зато уж и самому слить сразу же как сослуживцы явятся завтра в часть. Хоть так компенсировав потерянное в беспорядочном карауле время. В том, что хохлы и без его надзора никуда не денутся он ни минуты не сомневался, но навесить иностранцев все же стоило, чтобы лично на них поглядеть и заодно продемонстрировать начальству служебное рвение.

Рампа располагалась от жилой зоны площадки километрах в полутора и Севастьянов пока добрался до нее уже пришел в достаточно ровное и даже благодушное состояние духа. Военная служба неизбежно учит человека воспринимать любые неприятности с немалой долей философского смирения, излишне по поводу них не рефлексировав. Иначе большая часть людей в погонах уже давно сошла бы с ума и погрузилась в глубокую депрессию раздавленная тем потоком дерьма, что в армии ежедневно выливается на голову любому, практически вне зависимости от звания и занимаемой должности. Вот и Севастьянов, пройдя едва половину пути, уже перестал чертыхаться и даже принялся едва слышно насвистывать в такт неспешной поступи что-то лирическое, довольно шурясь под лучами валящегося за степной горизонт багрово-красного солнца и умильно разглядывая чахлая листву редких деревьев с маниакальным упорством насаженных по всей площадке солдатами испытательных групп.

Для Севастьянова всегда оставалась загадкой эта страсть армейского начальства к созданию живых насаждений. Сколько он себя помнил еще с курсантских времен от деревьев военным доставались только лишние проблемы: каждую осень приходилось титаническими усилиями сгребать на закрепленной территории опавшую листву, весной необходимо было опиливать не пережившие зиму сухие ветви, а летом копать вокруг стволов похожие на лунные кратеры ямы и белить их до точно вымеренного придиричивым старшиной уровня... Одни проблемы короче... Но если по счастливой случайности в расположении некой абстрактной воинской части деревьев вдруг не оказывалось, то их тут же принимались сажать, проявляя при этом чудеса упорства и воли к победе. Ни засушливый, ни чрезмерно морозный климат не

могли остановить этого процесса. «И на Марсе будут яблони цвести!» И еще если бы яблони! Почему-то во всех гарнизонах, где довелось послужить Севастьянову деревья сажались исключительно бесполезные, не могущие искупить посвященной им возни даже сомнительной ценностью плодов.

Занятый мыслями о принудительном озеленении планеты Севастьянов незаметно преодолел отделявшее его от рампы расстояние, выйдя прямо к забетонированному скату этого циклопического сооружения. Рампой в испытательном центре звался возведенный еще в лихое советское время грубый бетонный перрон высотой вровень с подножкой товарного вагона покрытый шиферной крышей покоившейся на ободранных каменных столбах. О назначении этой самой прохудившейся где только можно кровли с азартом спорили уже несколько поколений испытателей. Одни придерживались вполне материалистического объяснения, указывая на необходимость сохранения прибывших грузов от дождя и снега. Другие приводили более романтические резоны, вплоть до сокрытия внешнего вида российского оружия от наблюдения со спутников. И та и другая версия страдали явными недостатками. Ведь от осадков в принципе неплохо защищал сам вагон, а от спутникового глаза неперенные брезентовые чехлы, которыми у нас по привычке кутают все, что ни попадя. Севастьянов с невольной улыбкой вспомнил жаркие баталии спорщиков и легко взбежал по скату на выщербленную временем и непогодой бетонную спину рампы.

Хохлятские вагоны замерли в дальнем ее конце. Полувагон с «птичками» и теплушка с караулом, облезлые и жалкие даже на вид. Из раздернутых настежь дверей теплушки потягиваясь выбрался человек в болотного цвета полевом камуфляже, остановился, вглядываясь из-под руки в приближающегося Севастьянова. Что-то показалось в нем подполковнику странно знакомым. С этого расстояния лица было не разглядеть, но разворот плеч, массивная квадратная фигура и этот характерный жест Ильи Муромца с Васнецовского полотна однозначно кого-то напоминали. Даже внутри тряхнуло вдруг сердце каким-то еще неясным пока, но однозначно радостным предчувствием. Севастьянов невольно ускорил шаг, цепко держа глазами украинца, уже расплываясь в улыбке, но пока не узнавая.

– Витоха! – громовым басом раскатилось по рампе, отражаясь от бетона массивных опор и рикошетом возвращаясь обратно. – Витоха! Мать моя женщина!

– Пашка! – радостно выдохнул Севастьянов.

Теперь он уже был полностью уверен, спутать этот рыкающий бас невозможно было ни с чьим другим голосом.

А Померанец уже бежал навстречу широко распахивая неуклюжие медвежьи объятия. Налетел лавиной, пахнул крепким табаком, чесноком и сивушным перегаром, облапил, гулко хлопая по спине.

– Витоха! Чтоб тебя! Как живой!

– Пусти, медведь! А то сейчас буду не как живой! Раздавишь же, черт! – шутивно пытался отпихиваться Севастьянов, вырываясь из кольца могучих рук бывшего сослуживца.

Наконец отвалились друг от друга, стояли жадно щупая глазами постаревшие лица, отыскивали знакомые черты, стирая возрастную маску морщин и обвисшей кожи, ухмылялись счастливо, не зная что сказать, с чего начать, как выплеснуть наружу переполняющие душу чувства.

– Ты как здесь? – добродушно прогудел Померанец, ревностно оглядывая поджарую жилистую фигуру Севастьянова.

– Я? Это ты как здесь?! – фыркнул Севастьянов. – Я-то обычным путем, как вывели из Казахстана, так тут и осел. Куда центр, туда и я, ничего особенного. А вот ты, я гляжу, иностранцем заделался...

– Да, ладно тебе, иностранцем... Тоже сказал... – Померанец смущенно фыркнул, опуская глаза. – Сильно там вашему папану, что вчера дежурил, нагорело?

– Да уж порядком, – не стал щадить бывшего однополчанина Севастьянов. – Развел ты его, как молодого, а он теперь без премии останется...

– Не, ну ты меня тоже пойми, – загорячился украинский подполковник. – У меня люди одиннадцать дней в дороге, на одном сухпайке, не мылись, спали на нарах, срели в дырку в полу вагона...

– Ладно, ладно... Не надо мне тут на жалость давить, – с улыбкой оборвал его Севастьянов. – Все знаю, а то никогда в выездные караулы не ездил! Ты, гляжу уже подполковником ходишь?

– Ха! Нашел чему удивиться! Сам-то, смотрю тоже не майор! Так чего же я, дурней тебя что ли?

– Не скажи, – шутливо погрозил пальцем однополчанину Севастьянов. – Я-то на одном месте, горбом своим постепенно карьеру сделал. А ты вон, в иностранной армии уже до такого чина дойти успел...

– Так не с лейтенантов чай начинал, – передернул плечами Померанец. – Как уходил майором, так майором и восстановился. А за это время, да с моим-то опытом мог бы уже и в генералы выйти...

– Чего ж не вышел? – невинно съехидничал Севастьянов.

– С языком проблемы... – помрачнел Померанец.

– С языком? Никак прикусил? – продолжал издеваться Севастьянов, уж больно забавен был сейчас по-детски обиженный квадратноплечий бугай Померанец.

– Ага, прикусил! – со злостью выдохнул тот. – Еще с рожденья! Ну не даются мне ихние «поляницы» и что там еще...

– Ладно, брось, – спохватился, чувствуя, что задел друга за живое Севастьянов. – Пойдем лучше, покажешь свое хозяйство.

– Во! – разом просветлел лицом Померанец, хитро подмигнув Севастьянову. – А ты никак моих птичек принимать будешь?

– Ага, размечтался! – безжалостно осек его подполковник. – Сначала их таможня примет, а потом уж наши с базы. Я к твоим ракетам и на пушечный выстрел до этого не подойду. Не моя епархия!

– А чего тогда пришел? Повидаться?

– Скажешь тоже. Я и не знал, что ты с караулом приехал. Нет, брат, приставили, понимаешь меня специально за вами присматривать.

– Не понял...

– А чего тут понимать? В режимной части, где между прочим и опытные образцы новейшего оружия могут оказаться, в самом ее, понимаешь центре, находятся иностранные граждане. Больше того, военнотружущие иностранной армии. По крайней мере один из которых является специалистом как раз в области зенитных ракет, – при этих словах Севастьянов значительно глянул на хлопающего глазами Померанца и закончил сурово сдвинув брови. – Тут любой поймет, что дело не чисто. А значит, нужно принять к этим наглым иностранцам меры. Например, приставить к ним для присмотра сурового и непоколебимого тюремщика с правом немедленного расстрела любого, кто попытается осуществлять шпионскую деятельность.

– Витоха, ты чего? – только и смог из себя выдавить опешивший от этой тирады Померанец, беспомощно разводя руками.

– Да, ладно, расслабься ты! – довольно ткнул его кулаком в бок Севастьянов. – Просто положено так, знаешь же. Иностранцы должны быть под присмотром. Мало ли. Так что есть приказ, охранять вас тут до утра и не разрешать покидать территорию рампы. Только и всего.

– Это че? Значит опять сухпай хавать... – разом загрустил Померанец.

– Вот-вот, – кивнул Севастьянов. – Причем едоков у вас сегодня будет на одного больше. Догадываешься кто этот один?

– Да это-то ладно, – махнул рукой украинский подполковник. – Там этой тушенки один хер еще целый ящик, давно уже в зубах навязла...

Тушенки действительно оказалось вволю, да и устроились караульщики в теплушке со всем возможным в подобных спартанских условиях комфортом. Внутренности вагона имели вполне обжитый и старательно окультуренный вид. На крепко сбитых деревянных нарах, разместились одинаково серые набитые настоящим пухом натовские спальные. Подле сооруженного из ящиков стола притулились сколоченные из гладких оструганных досок скамьи. Сумки и рюкзаки с вещами и продуктами аккуратно сложены вдоль вагонной стенки. Дальний угол деликатно прикрыт брезентовой ширмой. А прямо посреди теплушки весело потрескивает плюясь безобидными искрами самая настоящая печка буржуйка. Даже в эпоху космических полетов и нанотехнологий ничего более уютного и удобного для обустройства нехитрого солдатского быта так и не придумали.

Кроме Померанца в теплушке обнаружили четверо сумрачных контрабасов при ремнях и полном боевом снаряжении, да совсем лопоухого вида лейтеха – начальник караула. Едва войдя в распахнутую дверь Померанец грозно рыкнул на личный состав и поднялась деловитая суета, всегда предшествующая даже самому немудрящему банкету. А встречу старых друзей всенепременно полагалось отметить. Севастьянов удобно устроившись на широкой скамье с удовольствием наблюдал за тем, как служивший столешницей щит из досок стремительно преобразуется, превращаясь в уставляемую шкворчащими жиром пайковыми банками, железными мисками и кружками скатерть самобранку.

– Так, орлы и вороны! – сурово сведя к переносице густые брови обратился к бойцам Померанец. – Двое с оружием на улицу к полувагону. Смена через два часа. Этой ночью караулим по полной программе, все-таки в другой стране находимся. Надо не ударить в грязь лицом. Тарасенко, ты приглядывай за ними. А то расслабились что-то в последнее время твои хлопцы.

Розовощекий лейтенант с серьезным видом кивнул, окинув замерших бойцов грозным командирским взглядом.

– Все, выполнять! – разрешил Померанец. – Свободная смена к столу. Ужин подан.

Севастьянов с легкой усмешкой на губах следил за тем, как Померанец увлеченно изображает сурового и требовательного начальника, вспоминая про себя, что раньше особой склонности к дисциплине за нынешним подполковником отнюдь не замечалось. Скорее наоборот. Надо же как меняют человека возраст и погоны... Впрочем не прошло и нескольких минут как Померанец со всей непреложностью доказал, что если он и изменился, то не сильно. Хитро покосившись на чавкающих на другом конце стола контрактников, подполковник неуловимым жестом фокусника извлек откуда-то хитро изукрашенную яркими заманчивыми этикетками бутылку водки и торжественно водрузил ее на струганные доски.

– Вот! Специально берег на тот момент, когда «птичек» сдадим. Но за нашу с тобой встречу грех не выпить, согласен?

– Все-таки ты шпион, Пашка, – довольно щурясь заявил Севастьянов. – Так и хочешь спойти приставленного за тобой наблюдать офицера. Совсем у тебя совести нет...

Померанец гулко захохотал, но неожиданно оборвав смех цыкнул на заинтересовано переставших греметь ложками контрабасов:

– А вы, воины, даже рты свои не разевайте! Тем, кто с оружием, ни капли алкоголя, понятно объясняю?!

Те разочаровано скривившись вновь склонились над своими банками.

– Тебя тоже касается, Тарасенко, – внушительно глянул Померанец на лейтенанта. – И нечего тут обижаться и морщить лоб, ты свою цистерну горилки еще выжрешь, успеешь. А сегодня будешь за старшего. И смотри у меня, понял?

– Да понял, понял... – отворачиваясь протянул лейтенант.

«Все-таки обиделся, – безошибочно поставил диагноз Севастьянов. – Тоже офицер, а его вроде как с контрактниками сравнивали. В лейтенантские годы такие вот мелочи отчего-то очень больно ранят самолюбие и приобретают слишком большое значение... Зря Пашка с ним так, надо было плеснуть хлопшу грамм пятьдесят, он бы только службу бдительнее нес».

Однако долго раздумывать о психологических нюансах общения с младшим офицерским составом Померанец ему не дал. Хрустнула сворачиваемая пробка и маслянистая, резко пахнущая жидкость плеснула в железные кружки.

– Ну давай за встречу, брат!

– Давай, брат! Давненько не видались!

Грохнули металлическими боками кружки. Водка против ожидания оказалась весьма даже приличной, пилаась мягко и не требовала немедленного лихорадочного закусывания.

– От тож, брат, от тож! – ликовал изрядно порозовевший после выпитого Померанец. – Настоящая украинская горилка! Это тебе не ваша москальская водка, которая после второй рюмки обратно просится. Этой немеряно выпить можно и голова на завтра свежая будет, словно и не пил ничего.

С полчаса они увлеченно обсуждали сравнительные достоинства украинской и российской водки. И лишь побежденный тем аргументом, что водку вообще придумал Менделеев, а значит самая правильная водка именно русская, Померанец частично признал свое поражение заявив однако:

– Так то же водка! За водку вообще у нас разговору не было! Я ж тебе дурню за горилку толкую!

– А то горилка не водка! – с пьяной настойчивостью не желал уступить Севастьянов.

– Конечно не водка! – убежденно отрезал Померанец. – Водка на Украине тоже есть. Только зовется она окавыта, а це – горилка!

– «На Украине», – передразнил его Севастьянов. – Эх ты, лапоть, не знаешь что ли, что правильно говорить «в» Украине, а не «на»? А еще хохол?

– Какой я тебе хохол?! – неожиданно зло возмутился Померанец. – Я еще похлеще тебя русский, понял! Самый что ни на есть! И по хрену мне как там по-новому говорят! Как привык так и говорю, и дальше так говорить буду!

– Ты потише, Паш, пьян уже, так хоть не ори, – попытался тихонько урезонить разбушевавшегося Померанца Севастьянов приметив краем глаза острый ненавидящий взгляд лейтенанта брошенный на подполковника с дальних нар.

Похоже не так прост этот начальник караула, несмотря на бесхитростную внешность младенца. Этак по возвращении напишет докладную в ихнюю контрразведку, не знаю уж как она там называется и полетят кое у кого с плеч погоня.

– Что ты мне рот затыкаешь?! – рявкнул уже в полный голос Померанец. – Да срать я хотел на этих пидоров, что в Киеве окопались. Я, бля, голосовал за этого уroda, потому что думал он нормальный мужик, будет связи с Россией налаживать. А он! Сука! Да я до сих пор по ихнему пишу с ошибками и читаю по складам! На хер оно мне надо было это независимое государство когда жрать нечего! Он, бля, памятники разным ублюдкам ставит, да мемориальные комплексы открывает, а полстраны по помойкам объедки жрут!

– Ну раз есть объедки, значит все еще не так плохо, правда? – попытался унять его Севастьянов. – Знаешь, как генерал на инспекции: «Сынки, хорошо ли кормят? Хватает ли еды?». А ему в ответ браво: «Так точно, товарищ генерал, еды хватает, даже остается!». Он хмурится недовольно: «Вот как? А что же с остатками делаете?». Те понимают, что накосячили и так же браво: «Съедаем! Даже не хватает!»

– Не смешно, – стух все-таки в продолжении рассказа Померанец. – Ты бы видел, брат, что у нас там творится. У власти пидоры, деньги захапали пидоры, вообще кругом пидор на пидоре сидит. А эти западенцы, так вообще...

– Тс-с-с, брат, – незаметно приложил палец к губам Севастьянов. – Ты лейтеху своего давно знаешь, что-то он больно настойчиво в углу уши греет. Смотри...

Померанец невольно коснулся на тут же отвернувшегося с самым независимым видом лейтенанта.

– Да, брат, чего-то я зря... Накипело просто...

– Да чего там, понимаю, у нас тут тоже не сладко... Не так как у вас, конечно, но своих уродов тоже хватает...

– Как везде, брат... Уроды, они повсюду...

– Согласен, брат. Так что ну их. В конце концов у нас сегодня радость – давно не видались. Так что давай лучше будем пить и разговаривать о чем-нибудь приятном.

– Давай, брат. Будем!

Горилка приятной жаркой волной растеклась по желудку, постепенно расплываясь блаженной расслабкой по мышцам, в голове закружилась легкая муть, сквозь которую все предметы начали казаться ярче, утратив при этом присущую им в нормальном мире четкость очертаний.

– Вот сука, ну так всегда!

Обиженный голос Померанца вырвал угревшегося в тепле буржуйки Севастьянова из мечтательного морока в котором он плыл притулившись к стене вагона.

– Что случилось? Тушенка не в то горло пошла?

– Хуже, – тон Померанца был исполнен истинного трагизма. – У нас кончилась горилка.

– Совсем? – Севастьянов отнюдь не считал это трагедией.

– Абсолютно, – горестно качнул головой Померанец.

– Да и хер с ним, – легкомысленно отозвался уже изрядно захмелевший Севастьянов. – Пожалуй, нам больше уже и не требуется.

– То есть как не требуется?! Это что за детские дозы?! Тогда не стоило и начинать! Или ты, жмот, хочешь сказать, что у тебя на подобный случай не припрятано никакой записки?

Севастьянов лишь отрицательно мотнул головой, сам по себе он к выпивке был весьма равнодушен, так что держать в служебном сейфе бутылку ему просто в голову не приходило. Сейчас подобная непредусмотрительность похоже была готова обернуться международным скандалом.

– Корче, не волнует! – тут же подтвердил его подозрения Померанец. – Мы тут гости, ты – хозяин. Значит пузырь с тебя по любому! Или ты хочешь нарушить священные законы гостеприимства?

Никаких священных законов нарушать Севастьянов конечно же не хотел, к тому же загодя, еще когда на столе только появилась ароматная хозяйская горилка уже исподволь продумал все возможные способы выставить так сказать алаверды. Знал по многолетнему опыту подобных застолий, что все равно иначе не обойдется. Такова уж нерушимая традиция русского, а теперь, как выяснилось и украинского, народа – сколько водки не бери, а еще за одной бежать все равно придется. Кто знает почему оно так? Но закон работает с нерушимостью научной аксиомы, едва полностью пустеет стоящая на столе тара, как все участники распития ощущают, что для полного счастья и гарантированного слияния с космосом не хватает всего одного маленького стопарика грамм на тридцать, не больше. Ну не обидно ли? Вроде только что всего было вдоволь, когда садились, некоторые самые осторожные даже сомневались, удастся ли без последствий употребить такое количество горячительных напитков. И вот тебе раз не хватило какой-то капли! Можно ли терпеть такую несправедливость? Конечно же, нет! А выход один – бежать! Вот потому и не зарастает и даст бог не зарастет никогда натопанная тропа к круглосуточным супермаркетам и ночным ларькам, сулящим всем страждущим легкое исправление фатальной ошибки – неправильного расчета количества спиртного. И ведь уже никто не вспоминает, что в прошлый раз взяли две и пришлось бежать за третьей, а в этот,

помня горький опыт, прихватили уже четыре, но все равно ноги сами понесли за пятой. Законс, господи! Точнее вспоминают, но уже сумрачным похмельным утром, давая клятвенные обещания больше никогда не брать в рот эту гадость и бережно придерживая руками готовую треснуть и распасться черепную коробку. Севастьянов не был большим любителем спиртного, потому в отличие от искренне удивляющихся тому, что каждый раз не угадывают с расчетом алкашей, мог спрогнозировать этот момент заранее.

– Ладно, уболтал, вымогатель, – с горестным вздохом сообщил он с надеждой заглядывающему ему в глаза Померанцу вытягивая из кармана мобильный телефон. – Будет тебе сейчас продолжение банкета.

Никитос не подвел, явился даже раньше оговоренного часового срока, затратив на поиски подходящего напитка и поездку на такси всего пятьдесят три минуты. Впрочем даже этого времени хватило, чтобы нетерпеливый Померанец вконец извел старого друга. Так что появление молодого офицера оба восприняли с изрядным облегчением.

– Видал, Пашка, какая смена подросла, – горделиво кивнул на топающего по рампе Никиту Севастьянов. – Племянник мой. Между прочим уже капитан.

– Уважаю. Молоток, парень, – согласился Померанец, больше присматривавшийся к объемистому пакету, приятно переливавшемуся стеклянным звоном при каждом шаге Никиты.

Трудно было понять к чему относится похвала украинского подполковника: к удачной карьере племянника армейского друга, или к объему доставленной им ноши. Севастьянов, решив толковать высказывание друга по собственному разумению, остановился на первом варианте.

С прибытием Никитоса в подугасший было огонек застолья подбросили свежих дров, точнее свежую литровую бутылку элитной водки московского завода «Кристалл» с какого-то перепугу носившей наименование «Финляндия». События как раз находились в той стадии тотальной любви и приязни ко всем окружающим, когда хочется петь, брататься с кем попало, а весь такой обычно колючий и недобрый окружающий мир неожиданно поворачивается самой теплой и ласковой стороной, становясь вдруг дружелюбным и слюняво благожелательным.

– Так вы чего, мужики, оба теперь в одной части служите? – чавкая набитым ртом хитро прищурился Померанец, обвиняющее наставив на Севастьянова только что облизанную ложку.

– Да нет, Никитос просто в отпуске вот и гостит у меня, – пояснил разливая водку по кружкам, совершенно поглощенный этим процессом Севастьянов.

– Эт хорошо! Эт правильно! – одобрил слегка заикаясь Померанец. – Не хрен под крыльшком у родни служить. Надо свою дорогу пробивать в жизни. Эт, ты, хлопец, правильно прочухал, молодец! Вот дослужишься до полковника, глядишь, еще и дядькой покомандуешь!

Никита лишь смущено улыбался. Зато Севастьянова сказанное неожиданно задело за живое.

– А вот это хрен ты угадал, брат! Разве что он министром обороны до моего дембеля стать успеет, иначе не выйдет!

– Чего так? – без особого интереса, только чтобы поддержать разговор осведомился Померанец.

– Того! Этот паршивец в люфтваффе подался! Путинский сокол, блин! Как не уговаривал, так и не убедил. Неба ему, вишь ты, захотелось! – давняя, казалось бы давно забытая и прощенная обида, почему-то на фоне выпитого показалось особенно жгучей и требовала немедленного выхода. – Да еще куда понесло, паршивца! В бомберы, причем стратегические!

– О, как! – осуждающе качнул головой и Померанец, меряя покрасневшего Никиту прищуренным прицеливающимся взглядом. – Летчик высоко летает, много денег получает, мама, я летчика люблю...

Никита упрямо набычившись выдержал его испытующий взгляд.

– Это ты не угадал, парень, – с пьяной рассудительностью сообщил ему Померанец. – Оно же как по жизни? Вот летишь ты на своей фанере, а тут мы с Витохой внизу. Пух!

Указательный палец Померанца вытянутый на манер пистолета ткнулся в сторону замершего напротив Никиты.

– И все! Вилы! – пояснил свою мысль подполковник, картинно сдувая пороховой дым с воображаемого ствола, на манер киношных ковбоев. – Вот так вот!

То ли от его спокойного и уверенного тона, то ли от мелькнувшего вдруг в глазах старого друга незнакомого стального блеска, но только сделалось в тот момент Севастьянову неизъяснимо жутко, словно глянул вдруг в темный разверстый зев свежевыкопанной могилы, стукнуло тревожно сердце, метнулись вдоль позвоночника непрошенные ледяные мурашки. Он уже все-рез успел пожалеть, что вообще поднял эту тему, и чтобы как-то переключить разговор на другое с нарочитой веселостью ухватил свою кружку.

– Давайте, мужики, чего ждем? Прокиснет же!

Еда чокнувшись с невозможно медленно и лениво тянущими кружки офицерами, Севастьянов торопливо проглотил уже нагрешуюся и от того противную водку, захрустел, прихваченными хозяйственным Никитой из дому маринованными огурчиками, старательно забывая во рту спиртовой привкус. Но все равно успел зацепить краем уха тихо и значительно брошенную Померанцем фразу:

– Давай, парень, чтоб такого никогда не случилось. Будем живы!

– Будем живы! – эхом откликнулся непривычно серьезный Никитос.

И вновь когтистая лапа дурного предчувствия стиснула Севастьянову сердце, сжала, сбивая дыхание. Но он до боли закусив губу отогнал подступающий морок, улыбнулся как мог непринужденнее и вновь потянулся к стеклянному телу бутылки с волшебной жидкостью дарящей расслабление и покой, отгоняющей непрошенных демонов, так и норовящих заставить человека против воли заглянуть в будущее...

Операция «Мечь». Подготовка

Севастьянов долго стоял перед дверью. Не то чтобы он собирался с духом, перед тем как переступить порог кабинета, или слишком уж трепетал перед его хозяином и вообще той организацией, куда его вызвали. Просто накатило вдруг что-то из глубины души, предчувствие нехорошее что ли. Почти физически ощущал он сейчас, что не надо бы ему сюда приходить, несмотря на официальный вызов и приказ командира не надо бы... Ничего хорошего его тут не ждет, и даже совсем наоборот, почти сто процентов вероятность того, что за стилично отделанной пленкой под натуральное дерево металлической дверью произойдет с ним что-то такое, после чего уже никак не получится жить прежней устоявшейся размеренной жизнью. Он еще раз тягуче сглотнул, собирая в кулак всю свою волю, понуждая впавшие в неприятный ступор, ослабевшие вдруг мышцы совершить простое и привычное действие – постучать в закрытую дверь и нажать вниз строгую официально-деловую ручку из стилизованного под благородную бронзу металла, открывая себе дорогу в кабинет. В кабинет на двери которого висела скромная табличка «старший оперативный уполномоченный майор Луговин А.В.». Вот так вот просто и безлико. Луговин – обычная для россиянина фамилия, по ней ничего не скажешь о человеке, даже не представишь ничего, кроме стандартной анонимно-пустой физиономии. В воображении Севастьянова анонимный пока Луговин отчего-то вышел похожим на Путина, такой же настороженно собранный, деловитый, внимательный и опасный... Может вышло это от того, что и сам премьер-министр был выходцем из того же славного ведомства, а может еще по какой прихотливой, не прямой ассоциации выплыло...

Инициалы, похожего на Путина чекиста, скрывали его истинное лицо еще хлеще фамилии, пожалуй, более распространенного сочетания букв и не встретить. А.В. и все тут. Александр Викторович? Андрей Васильевич? Арон Вахтангович? Ацамаз Ваганович? Все что угодно, простор для догадок. Наверное у них так и положено, серые неприметные люди в мышинового цвета костюмах, со стандартными, усредненными именами и фамилиями, чистыми руками, горячим сердцем и холодной головой, все как завещал дедушка Дзержинский.

Еще входя сюда и препираясь с безупречно вежливым на словах и вместе с тем неуловимо наглым и развязным солдатом-вахтером, глядящим свысока на обычного армейского офицера пусть даже и подполковника, Севастьянов в полной мере ощутил свою чужеродность в этом здании. В гулкой тишине его коридоров, в шорохе под тяжелыми подошвами армейских ботинок дорого ламината полов, в приглушенном рассеянном свете утопленных в потолок новомодных евросветильников. Никаким боком не вписывался в эту атмосферу обычный армеец, которому гораздо привычнее пластиковых панелей был серый бетон бункеров командных пунктов и оседающая на пропитанной потом и солью хэбэшке мелкая взвесь степной пыли. Для него здесь все было чужим, инородным и от того неуловимо пугающим, против воли давящим на психику, заставляющим опасливо озираться по сторонам и натягивать на лицо подобострастную глупую улыбку.

Федеральная Служба Безопасности, наследница приснопамятных ГПУ, НКВД и КГБ. Конечно не чета им, всего лишь ублюдочный болезненный ребенок настоящих грозных монстров. Но все равно чувствуешь себя в этих коридорах как-то неуютно, хоть и осознаешь умом, что никаких грехов за тобой нет и даже наоборот есть немалые заслуги перед тем самым государством, безопасность которого неусыпно берегут ребята в костюмах мышинового цвета. Ан нет, видно так глубоко вбит в нас, русских, страх перед бездушной репрессивной машиной, что до сих пор нет-нет да и сожмет сердце холодными скользкими пальцами, дохнет леденящим дыханием лубянского подвала. Иррациональный, не подкрепленный никакими разумными доводами и основаниями ужас, вписанный в самые глубокие, заповедные тайники души... существующий как бы помимо нас самих...

Закусив губу и усилием воли стряхнув вялую немощь так некстати охватившую сильное тренированное тело, Севастьянов несколько громче, чем требовалось, стукнул в дверь костяшками пальцев, и не давая себе шанса на отступление решительно распахнул ее широко шагнув в просторный кабинет. Шагнул с тем же щемящим, обрывающим что-то в животе чувством с каким в свое время сделал первый раз шаг в разверстую пасть самолетного люка, так же как впервые выходил в детстве на ринг, а совсем пацаненком нарочно входил в темную комнату, приучая себя не бояться.

Впрочем, ничего страшного с ним и не случилось. Хозяин кабинета, моложавый мужчина с умными залысинами и тонкими интеллигентными чертами лица, оторвался от стоящего перед ним ноутбука и вопросительно взглянул в глаза посетителю. Севастьянов сразу обратил внимание на профессиональную цепкость его взгляда, кажется будто просто посмотрел, а на самом деле словно сфотографировал навечно, откладывая в специальную ячейку памяти, причем успел «щелкнуть» своим внутренним фотоаппаратом как минимум три раза: фас крупно, общий план и стандартное фото на документы, три на четыре, по грудь с уголком для печати.

– Подполковник Севастьянов, – отрекомендоваться получилось достойно, коротко и по-деловому, с четким офицерским полупоклоном.

В последний момент он все же успел поймать и проглотить так и прыгнувшее на язык угодливо-вертлявое: «Вызывали?» и мысленно поздравил себя с этой маленькой победой над собственным страхом, подумав мельком, что это хорошее начало, сулящее, возможно и общий выигрышный счет встречи.

Фээсбэшник меж тем расплылся в дружелюбной улыбке привставая из-за стола и всем своим видом демонстрируя намерение лично проводить дорогого гостя в центр кабинета. Намерение это впрочем так и осталось лишь демонстрацией радушия, правда, достаточно убедительной.

– Как же, как же, Виктор Сергеевич, конечно, конечно. Проходите же, давно Вас ждем.

Вновь подавив нешуточным напряжением воли вертящийся на языке вопрос о том, зачем это собственно его так давно ожидает старший оперуполномоченный Луговин, Севастьянов тяжело ступая по скрипящему под его шагами полу прошел к столу хозяина кабинета и повинуясь гостеприимному жесту опустился в удобное офисное кресло, стоящее рядом.

– Может быть чаю или кофе? – хлопотал меж тем Луговин, цепко вглядываясь в глаза и растягивая уголки губ в медоточивой улыбке. – Если хотите курить, не стесняйтесь, вот, пожалуйста, пепельница... Беседа у нас с Вами неформальная, так что, прошу Вас, почувствуйте себя свободно...

– Чувствуйте себя свободным... пока... – нервно сыронизировал Севастьянов.

– Ну зачем же Вы так? – притворно обиделся опер. – Я действительно хотел лишь пообщаться с Вами. Сразу оговорюсь, что никаких претензий ни у меня лично, ни у нашего ведомства в целом к Вам нет, да и быть не может. По всем отзывам Ваших командиров и сослуживцев Вы отличный офицер совершенно неспособный заинтересовать нашу службу в... э-э... профессиональном плане, скажем так...

Севастьянов лишь хмыкнул, стараясь разорвать контакт с впившимся в него взглядом Луговина, и нервно забарабанил пальцами по гладкой полированной столешнице, когда это, несмотря на все усилия, так и не получилось. Ладони противно взмокли холодным потом и пальцы оставляли отчетливые темные пятна на полированной поверхности стола. Заметив это, Севастьянов проворно убрал руку вниз, положив ее себе на колено, но при этом успел зацепить мелькнувшую на лице фээсбэшника тень довольной улыбки. Тоже углядел, гад! Зубы невольно сжались, больно прихватив изнутри край губы. Это помогло справиться с раздражением, от сознания того, что проявление его слабости замечено и верно истолковано.

– Так что насчет чая? – продолжая разыгрывать искреннее радушие уточнил Луговин.

– Нет, спасибо, – чуть более резко чем следовало бы отозвался Севастьянов, для убедительности отрицательно дергая головой. – Все же, чем обязан?

Фээсбэшник понимающе закивал головой, опустил наконец обратно в кресло и зашарил в выдвижном ящике стола, что-то разыскивая внутри, с шорохом передвигая с места на место. Когда он вновь поднял взгляд на вызванного офицера в нем уже не было и следа прежнего назойливого дружелюбия, теперь опер был холоден, профессионально внимателен и демонстративно отстранен, всем своим видом показывал, что прелюдия закончена и пора переходить собственно к делу. На столешницу легла тонкая папка в серых пластиковых корочках, обычная офисная папка с зажимом внутри. Севастьянов успел разглядеть края нескольких неровно вставленных листов бумаги неопрятно торчащих наружу.

– Речь пойдет о штурмане 52 авиационного полка капитане Севастьянове Никите Евгеньевиче. Вы знаете этого человека.

– Конечно, – невольно прикрывая резанувшие острой болью подступивших непрошенных ненужных сейчас, да и вообще недостойных мужчины слез, глаза, ровно произнес Севастьянов. – Конечно знаю. Знал...

За закрытыми веками мелькнула обитая ярким красным дерматином дверь с матово отблескивающими металлическими цифрами 52. Никитос всегда обыгрывал это совпадение номера родительской квартиры с номером полка в котором служил в задорных мальчишеских шутках. Никитка, Никитос... Он так и остался вечным мальчишкой, разбитным шалопаем всегда готовым на шалость и озорство и ничего тут не могли изменить ни капитанские погоны ни возраст. Хотя какой там возраст? Двадцать пять лет... Совсем мальчишка... теперь уже навсегда...

– Да, простите, я просто обязан был задать этот вопрос, – в сухом голосе опера ни грамма раскаяния или хотя бы сочувствия, просто обычные дежурные фразы, ничего не значащие и отдающиеся в гулкой пустоте черепной коробки треском электронных помех старого испорченного приемника. – Я приношу Вам свои соболезнования, по поводу трагической гибели родственника...

«Соболезнования... Трагической гибели... Родственника... Родственника... Родственника...» – раз за разом отдается где-то внутри глупый набор казенных звуков, слагающихся в слова ничуть не отражающие случившегося, не отражающие трагедии. Еще одна никому по большому счету неинтересная жертва маленькой победоносной войны... Под закрытыми веками клубится, все больше густеет жаркий багровый туман... Мелькают в нем кадры жареной хроники из выпусков новостей. Летный шлем с треснувшим пластиковым забралом густо залитый изнутри темной, вишневого цвета кровью. Может быть его, Никитоса, кровью... Все возаращается, все так же как тогда... Бьется в ушах противный гнусавый голос дикторши: «Новейший стратегический бомбардировщик вооруженных сил России сбит над грузинским городом Гори ракетой комплекса „Бук“, судьба летчиков неизвестна». И липкий ужас, ползущий к замершему вдруг в середине очередного такта сердцу. Это только комично округляющей с экрана глаза в притворном негодовании крашеной кукле могла быть неизвестна судьба летчиков сбитых буковской ракетой. Севастьянов точно знал, что делает это оружие с мишенями, он сам испытывал его, давал ему путевку в жизнь, и вот теперь его детище обернулось против того, кого он считал практически своим сыном, того, кто был ему дороже всех в этом мире. «Семидесяти килограммовая боевая часть, из которых тридцать три с половиной килограмма составляет взрывчатая смесь ТГ-24, тротил-гексоген, тротила до 24 процентов, остальное – готовые убойные элементы двух видовой конфигурации». Сухие строки технического описания прыгают в радужных мушках за закрытыми веками. «Исправно функционирующей признается бортовая аппаратура, выводящая ракету в трубку промаха величиной до 15 метров, и обеспечивающая подрыв боевой части в ограниченной этим радиусом сфере, центром которой является мишень». Это уже программа испытаний. Критерий исправности серийных ракет,

означающий, что промах более пятнадцати метров для них просто не имеет права существовать. И вновь покрытое бурыми разводами плеснувшей изнутри крови забрало летного шлема. Тридцать килограмм ТГ-24 подорванных в пятнадцати метрах от вихрастого, вечно задорно улыбающегося Никитоса. Вспухшее в голубом небе серое с алыми просверками облако разрыва, точно такое же, как те, что он сотни раз видел на испытательных пусках.

– Это все ты! Ты! Из-за тебя он пошел в военные! Из-за тебя поломал себе жизнь! Из-за тебя погиб! Это ты виноват! Ты! Ты! – чужой, захлебывающийся истеричными слезами женский голос, лопается в ушах резкими визгливыми нотками.

Пляшет перед глазами затянутое мутной дымкой некрасивое и враз постаревшее лицо жены старшего брата. А вот и он сам, обмякший, будто воздушный шар из которого выпустили вдруг воздух с уставленными в пол глазами и опущенной головой, молчаливый и весь будто почерневший, осунувшийся. Мягкие безвольные губы, еле выталкивающие неловкие горькие слова:

– Ты прости ее, брат... Не в себе она... И это... Уезжай... Не надо тебе сейчас здесь быть, не надо...

Севастьянов открыл глаза, словно выныривая из темной ночной воды глубокого холодного омута, с удивлением глянул на беззвучно шевелящего губами фээсбэшника. Оказывается тот, все это время о чем-то продолжал говорить. О чем, Севастьянов не знал, он словно бы выключился на несколько секунд, а может быть даже и минут и лишь теперь постепенно возвращался к нормальному восприятию действительности. Чтобы разобрать, что же там такое бормочет еле слышно фээсбэшник пришлось предельно напрячь слух, вычленив тихий спокойный голос из гудевших где-то фоном аккордов похоронного марша, резких команд офицера из почетного караула и нестройных залпов салютного взвода. За всей этой неслаженной какофонией речь оперативника терялась, плыла, временами пропадая совсем, меж тем, тот говорил совершенно нормально, и когда восприятие звуков, наконец, полностью восстановилось, Севастьянову показалось, что голос безопасника даже излишне громок.

– Как Вы без сомнения знаете, тело капитана Севастьянова так до сих пор и не выдано России грузинской стороной. Так что формально он считается пропавшим без вести, однако свидетельства выжившего члена экипажа, говорят за то, что Ваш племянник, как это ни прискорбно, все же мертв.

Севастьянов невольно подтверждающе кивнул, слова оперативника полностью совпадали с его собственными мыслями на этот счет. Конечно, тлела где-то подспудно безумная надежда на чудо, но холодная рациональность брала свое. Скорее удивительным везением можно было посчитать тот факт, что из экипажа обстрелянного самолета выжил хоть кто-то. Этот парень точно родился в рубашке, потому как шанс остаться в живых в таких условиях равносителен сорванному джек-поту в казино.

– Вам, конечно, известно, что зенитные ракеты комплекса «Бук» оружие чрезвычайно мощное. А сам комплекс даже неформально зовут «убийцей летчиков».

И вновь Севастьянову оставалось лишь молча кивнуть. Безопасник основательно подготовился к беседе, и добавить к сказанному было нечего. Действительно избыточно мощный заряд боевой части оставляет очень мало надежд на выживание даже не пораженного разлетающимися во все стороны готовыми убийными элементами пилота. Не погиб от осколков, размажет ударной волной. От того и прозван комплекс «убийцей».

– То есть формально можно сказать, что виновником гибели Вашего племянника был тот, кто снабдил грузинскую армию столь современным оружием, – меж тем продолжал настойчиво гнуть известную только ему одному линию фээсбэшник.

Севастьянову вновь оставалось лишь тупо кивнуть в ответ. Да, все так, как он говорит, вот только что настырный опер хочет из этого вывести? Хочет толкнуть его на месть хохлам? Заставить сбить их самолет? Убить неугодного России президента? К чему вообще этот вызов, зачем

бередящий только начавшую схватываться коркой запекшейся крови рану разговор? «Надо собраться, надо внимательнее следить за расплетающейся нитью его слов, вникать в сказанное, а по возможности и в то, что сказано не было, а только подразумевалось, – настойчиво билась в глубине мозга еще не поглощенная расчетливо вызванным приступом болезненных воспоминаний рациональная мысль. – Надо собраться, надо собраться. Не поддаваться ему, ведь он это специально, нарочно выбивает из равновесия». Севастьянов с ненавистью глянул в водянистые ничего не выражающие глаза собеседника, и тот, почувствовав видимо, что где-то перегнул палку, произнес уже мягче:

– Поверьте, я всецело сочувствую Вашему горю, Виктор Сергеевич, но, увы, государственные интересы требуют от меня, вести сейчас этот разговор. Надеюсь, Вы, как человек военный, меня поймете и простите. К сожалению, такова суровая необходимость...

Севастьянов слабо махнул рукой, прерывая поток его красноречия.

– Не стоит передо мной извиняться. Я все понимаю, надо, так надо... Так что переходите уже к делу, не нужно этих вот прелюдий...

– Хорошо, – разом построжал фээсбэшник, лязгнув тщательно выверенным количеством металла в голосе. – На самом деле я уполномочен сообщить Вам строго конфиденциальные факты, касающиеся боевого применения комплексов «Бук» в осетинском конфликте.

Он значительно глянул в лицо Севастьянову, проверяя какое впечатление произведут его слова. Однако этот вопрошающий взгляд пропал втуне, разбившись о полную бесстрастность офицера. Конфиденциальные факты Севастьянова не интересовали, и если гибелью племянника его легко можно было зацепить, выводя из равновесия, то теперь он хранил абсолютное спокойствие.

– Вам, конечно известно, о том, что Украиной создана специальная парламентская комиссия для расследования фактов продажи оружия грузинской стороне, – несколько разочарованный отсутствием интереса со стороны офицера фээсбэшник заговорил быстрой едва разборчивой скороговоркой, стараясь с возможно большей скоростью проскочить через неинтересную рутину, тем не менее являющуюся обязательной для подхода к главному смыслу разговора. – Естественно, практически центральным направлением ее работы является расследование обстоятельств поставки именно комплекса «Бук». Слишком уж много натворил он дел во время этой войны, слишком сильно засветился.

– Там же вроде бы все уже выяснили, – произнес Севастьянов просто так, лишь бы что-нибудь сказать, поддерживая разговор. – Сняли с боевого дежурства и загнали по бросовой цене грузинам незадолго до начала боевых действий...

– Вот именно, – фээсбэшник торжествуя ткнул в потолок указательным пальцем. – Вот именно, что незадолго до начала боевых действий. А теперь скажите мне, как специалист, за какое время можно подготовить толковый расчет для комплекса? Вот лично Вам, сколько дней понадобилось бы?

Севастьянов озадаченно потер лоб.

– Ну, вообще-то, я преподаванием стрельбы зенитными ракетами никогда не занимался... Но учитывая собственный опыт, рискну предположить, что понятием дни тут оперировать не приходится. По самым скромным подсчетам нужно не менее года. Особенно для натаскивания тех, кто будет работать на командных пунктах и станциях обнаружения цели...

– В данном случае без этих специалистов успешно обошлись. Боевые машины работали автономно, – перебил его оперативник.

– Автономно? – Севастьянов удивленно глянул на него. – Но это совсем другой уровень! То есть, Вы хотите сказать, что у грузин откуда-то появились расчеты способные работать в автономе, без целеуказаний разведки, без распределения целей?

– Совершенно верно, Виктор Сергеевич, совершенно верно, – почти пропел фээсбэшник. – Разведку воздушного пространства вели гражданские радары аэропортов Гори и Тби-

лиси. А пусковые установки комплекса «Бук» работали по их данным, включаясь лишь непосредственно перед выстрелом с заранее подготовленных позиций. Отсюда и трудности с их обнаружением и подавлением, потому так высоки наши потери. Да что я рассказываю? Вам наверняка лучше меня известно, как трудно уничтожить такую вот блуждающую пусковую установку, работающую из засады...

– Самоходную огневую... – задумчиво поправил Севастьянов.

– Что, простите? – фээсбэшник запнулся на середине фразы и нервно глянул на сидящего напротив офицера.

– Самоходную огневую установку. СОУ, – терпеливо повторил Севастьянов. – Так она правильно называется, а то Вы все время ее обзываете то пусковой, то боевой машиной...

– Простите, – сухо произнес оперативник. – Я все же не специалист в этом вопросе...

– Да, да, конечно... Извините... – спохватился Севастьянов.

Ему действительно неожиданно стало неловко за эту ненужную в общем поправку. Ишь, выпендрился, знаток. Нашел перед кем грамотностью козырять. Этому парню вовсе и не надо знать, как называется та или иная бронированная штукавина, ему совсем за другое деньги платят.

– Так вот, – продолжал фээсбэшник, кивнув в знак того, что извинения приняты. – Все наши самолеты были уничтожены именно такими вот бьющими исподтишка с близкого расстояния самоходными огневými установками, каждая из которых действовала сама по себе. Вы, без сомнения, понимаете, что если бы грузинская сторона провела полномасштабное развертывание доставшихся ей от Украины комплексов, по всем правилам, то их не составило бы труда засечь нашей радиоэлектронной разведки. А уж после этого подавить их, или просто надежно вывести из строя, дело техники...

– Да я понимаю, – отмахнулся Севастьянов, его раздражали дотошные объяснения собеседника, все-таки он был специалистом в обсуждаемой области и то, что сейчас ему настойчиво растолковывал оперативник, понял и осознал уже давно. – Для меня в сказанном лишь одна загвоздка – уровень подготовки расчетов. Расчет СОУ способный успешно работать в автономе, да еще не на учебных стрельбах, а в реальной боевой обстановке нужно очень долго и тщательно готовить. Откуда у грузин такие специалисты?

– Правильный вопрос. А правильно поставленный вопрос зачастую важнее собственно ответа, – расплылся в довольной улыбке оперативник. – И вот такой вопрос, наконец задан...

Севастьянов весь подался вперед, пронзая взглядом блеклые ширмы водянистых глаз собеседника, уже подспудно зная что именно тот сейчас произнесет, но, пока еще боясь поверить в дурной верещащее где-то в подсознании предчувствие. Оперативник же старательно держал паузу, торжествуя поглядывая на офицера. Наконец, когда напряжение уже ощутимо повисло в воздухе готовое прорваться в любую секунду, рука фээсбэшника быстрым жестом фокусника нырнула под полированную столешницу. И тут же снова возникла над столом с зажатой в длинных бледных пальцах пластиковой папкой. На вид самой обычной офисной, какие продаются в любом магазине канцелярских товаров. На ней не было ни грифа секретности, ни грозных пометок о недопустимости ознакомления посторонних, даже стереотипная надпись «Дело» отсутствовала. Но Севастьянову все равно сразу же стало вдруг предельно ясно, что там внутри «бомба», самая настоящая, готовая рвануть, как только будет неосторожно приоткрыта хрупкая пластиковая оболочка.

– Ознакомьтесь, Виктор Сергеевич, – голос оперативника полон едва сдерживаемого ожидания триумфа.

Пальцы Севастьянова неожиданно ставшие непослушными и неловкими, словно у набитой ватой мягкой игрушки перехватывают скользкий пластик. Он еще раз вопросительно смотрит в глаза фээсбэшника, словно дополнительно к уже сказанному испрашивая еще какого-то

разрешения. Оперативник нетерпеливо кивает: «Да, да, открывайте!» Пластиковая обложка легко отгибается в сторону и прямо в глаза Севастьянову пристально смотрит Померанец.

Бывший сослуживец одет в парадную форму майора уже почти два десятка лет не существующей армии, ярко отсвечивают расплывчатыми засветками солнечных бликов на груди две медали: общая для всех военных, окончательно выродившаяся в простой значок – «Десять лет безупречной службы», и вторая, настоящая – «За боевые заслуги», предмет всегдашней записки испытательного отдела. Приколота к заполненному убористым машинописным шрифтом листку фотография явно попала сюда из личного дела, слишком уж официален снимок. Такие, с застывшими казенными лицами и деревянными чересчур сильно расправленными плечами, делают только на документы. Дальше шли пожелтевшие бумажные листы, испещренные аккуратными печатными строчками и неряшливыми синими каракулями.

Потом еще одна фотография, тоже стандартная – девять на двенадцать, парадная форма и сиротливо одинокая медалька за выслугу лет на левой стороне груди. Все правильно Вовка Маркухин был младше их всех, от того и назначали всегда вторым оператором, вроде как работа не такая ответственная. Опять ворох разномастных листов, скрывающих следующее фото. Теперь Севастьянов уже заранее знал, кого он увидит.

И точно – вот он, Валерка Громов, или попросту Гром, полковничий сынок, продолжатель славной офицерской династии никогда и ничего в этой жизни не получивший на халяву, как тогда принято было говорить: «по благу». Острый прищур холодных оценивающе глядящих на окружающий мир глаз, упрямо выставленный вперед подбородок и тонкий хрящеватый нос с горбинкой оставшейся после перелома.

Больше фотографий в папке не нашлось. Севастьянов бегло проглядел бумажные листы оказавшиеся всевозможными характеристиками, автобиографиями, результатами аттестаций и профотборов и захлопнул пластиковые корочки. Долго сидел молча, глядя на безликий красный пластик, не решаясь поднять взгляд. Зная, что как только оторвется от папки, сразу же наткнется на цепкие беспощадные глаза сидящего напортив оперативника и тогда придется что-то говорить, или еще того хуже, слушать. Слушать то, о чем подспудно догадался уже давно, то, единственное что объясняло этот нелепый вызов в Федеральную Службу Безопасности человека равно далекого от шпионских игр и всевозможных заговоров.

– Узнали кого-нибудь, Виктор Сергеевич? – участливый голос оперативника так и сочится горьким змеиным ядом.

– Да, конечно, – каждое слово дается лишь невероятным усилием, с трудом получается заставить голос не дрожать, звучать спокойно и равнодушно. – Это мои сослуживцы по испытательному полигону в Казахстане. К сожалению, мы уже давно не общаемся, они уволились после распада Союза. С тех пор мы не поддерживаем никаких отношений.

Для чего ему понадобилась эта дурацкая игра в напускное равнодушие Севастьянов, пожалуй, не смог бы ответить даже самому себе. Но почему-то это сейчас казалось важным и необходимым, и он послушно сдерживался, храня показное безразличие, хотя внутри, под напускной холодной и бесстрастной оболочкой уже давно хотелось кричать, хотелось схватить этого холеного фээсбэшника за грудки и вытрясти из него все, что он скрывает, чем бы это не оказалось и какую бы боль за собой не несло.

– Печально, печально, – закивал китайским болванчиком оперативник. – Так никого и не встречали из них больше?

– Послушайте, ну зачем эти детские подначки? Вы же, наверняка, прекрасно осведомлены о том, что именно подполковник Померанец сопровождал прибывшие к нам весной для продления сроков технической пригодности украинские ракеты. Конечно, мы с ним встречались.

– Угу, угу, – протянул, соглашаясь, оперативник. – А как насчет остальных?

– С остальными я не виделся с девяносто второго года, – твердо отрезал Севастьянов.

– А Вас не удивляет, что в моей папке оказались именно фотографии Ваших сослуживцев проживающих в данный момент в иностранном государстве? В независимой Украине?

– Не удивляет, – тяжело вздохнул Севастьянов. – Это ведь они, правда?

– Что они? – тут же подобрался, словно почувывший добычу охотничий пес, фээбэшник. – Договаривайте!

– Да чего тут договаривать, уже и последнему дураку из Ваших намеков все стало бы ясно. Я ведь правильно угадал, это они работали на грузинских СОУ?

– А Вам об этом известно не было?

Севастьянов лишь молча пожал плечами, в виду полной неуместности вопроса отвечать на него он не считал нужным.

– Что неужели Померанец ни о чем подобном не упоминал при встрече? – не унимался оперативник, стараясь пытливо заглянуть в глаза.

– Нет, ни о чем подобном мы не говорили, – вновь устало вздохнув, мотнул головой Севастьянов. – Ребят вспоминали, было дело. Кстати, он рассказывал, что Капеллан с Громом давно на гражданке и даже неплохо устроились...

– Капеллан с Громом?

– Ну, Маркухин с Громовым, – поправился Севастьянов.

– Гром у нас, конечно же, Громов, а Маркухин выходит Капеллан... Любопытное прозвище...

– Подпольная кличка, еще с лейтенантских времен...

– Ну, разумеется, бесшабашное очарование молодости... Господа гусары, шампанское, балы и кивера... – ядовито протянул фээбэшник.

– Да что-то в этом роде, – кивнул Севастьянов, на миг прикрывая глаза.

Под опущенными веками ослепительным рыжим солнцем полыхнула бескрайняя выжженная зноем степь. Редкие бурые кочки сгоревшей травы, растрескавшаяся высохшая земля, летящая под гусеничные траки, оседающая белесой сединой на броне едкая пыль. Впереди поперек курса мелькает разбитая бетонка. Натужно взревев турбиной, бронированная машина одним движением перемахивает неширокий кювет и замирает на обочине.

– Вик, выгляни направо, ни хрена не вижу, сейчас еще переедем кого-нибудь!

Гром белозубо скалится с водительского места, лицо – серая пыльная маска, на которой живыми остаются только полные шального восторга пронзительно голубые глаза. Севастьянову тоже знакомо это чувство упоения от послушности многотонной стальной громады, что повинуется малейшему движению твоих сжимающих штурвал рук. Совсем недавно он и сам задыхался от такой же волшебной эйфории, потому прощает молодому офицеру и вольный тон в обращении к старшему и это невольное озадачивание инструктора. Действительно, прежде чем выезжать на дорогу стоит внимательно посмотреть по сторонам, здесь дикая земля, без гаишников и правил дорожного движения. Так что вполне можно впороться в несущийся по бетонке грузовик с товаром диких коммерсантов, или в семейство современного кочевника-казаха, неспешно перемещающегося на новое место жительства, а то и в своего же воина-отличника, укутившегося дармовой коноплей и прущего на родном «КАМАЗе» куда глаза глядят. Боковых зеркал на СОУ пока конструктора не придумали, а из открытого люка обзор, как из глубины пещеры, тридцать градусов вперед по курсу и хорош. Гибко потянувшись сильным тренированным телом, Севастьянов опасно перевешивается из люка, вылезая почти по пояс. Дорога в обе стороны, сколько хватает глаз, свободна, только далеко на горизонте тянется едва заметное облачко пыли, похоже еще чья-то гусанка гарцует по степи.

– Тащ капитан, тащ капитан, – гнусавит из глубины боевого отделения нарочито тонким и противным голосом Капеллан. – А когда уже моя очередь водить? Гром того и гляди всю соляру искатает, а мне когда же учиться?

– Не спеши – успеешь, – наставительно обрывает его Севастьянов и, оборачиваясь к водителю, коротко бросает: – Полный вперед!

СОУ рвет с места как норовистая лошадь раньше, чем он успевает опуститься в кресло начальника расчета, движок отчаянно воет.

– Йа-хуу! – в полном упоении орет Гром, давя на педали, жаркое степное солнце нежно лижет его покрытое пылью лицо.

И тут же картинка кардинально меняется, как в повернувшемся вокруг своей оси калейдоскопе.

Мелкие злые крупинки снега режут лицо в кровь, с визгом летят из-под бешено вращающихся гусениц, внося свою лепту в и без того свирепствующую поземку. Не видно ни хрена, не смотря на открытые на полную люки. Гусянка прет напрямую без дороги, сзади в спарке идет вторая. Видимость – метров сто не больше. На головной курс держат по компасу, ведомая машина, старается не потерять головную. Малейшая неточность и можно промазать мимо дальнего измерительного пункта – конечной цели рискованной экспедиции. Промазать и уйти в глухую заснеженную степь, по прямой, пока хватит горячего... И никто не найдет, никто не спасет и не придет на помощь. Потому что больше машин, способных преодолеть снежную целину в части нет. А вертушки который день прикованы к земле не на шутку разыгравшимся бураном. Промахнуться мимо – практически верная смерть. Заплутаешь и замерзнешь в бескрайней степи. Может быть, это произойдет всего в нескольких километрах от людей, от тепла, но видимость в сотню метров не позволит тебе различить спасительные огни. Оба экипажа все это знают, полностью осознают риск, на который идут. Но на дальнем измерительном пункте умирает солдат, у него приступ острого аппендицита. Если бойца в ближайшее время не доставить в госпиталь воспалившийся аппендикс прорвется, выбрасывая внутрь организма гнойный яд.

Чтобы спасти солдата рвутся к дальней площадке сквозь снежный буран гусеничные машины. У экипажей есть шанс победить смерть, у солдата без их помощи шансов нет. Потому в экипажах только офицеры – Севастьянов с Громом на первой машине, Померанец с Капелланом на второй.

Чертов снег, рубит, сечет уже кровоточащую кожу на лице, схватывает ее жгучим панцирем ледяной корки, которую никак не удаётся сковырнуть пальцами.

– Быстрее, еще быстрее!

Что-то матерное рычит себе под нос Гром, даже не оборачиваясь, вперившись неподвижным взглядом в крутящуюся перед машиной белую муть. Но скорость действительно увеличивается. Как уж он умудряется совладать с многотонной гусянкой непонятно, она и так летит, как на крыльях, вздымая вокруг себя гигантские снежные волны.

– Левее возьми, левее! Мы слишком вправо забираем!

Звуки голоса тонут в реве турбин...

– Виктор Сергеевич, Вы меня слышите?

– Да-да, конечно, – неловко спохватился Севастьянов, выныривая из безумной поездки наперегонки со смертью, случившейся много лет назад. «Господа гусары, шампанское, балы и кивера...» Они в тот раз не промахнулись мимо площадки, им повезло. «Кому суждено быть повешенному, тот не утонет!» – басил Померанец, на руках втаскивая в десантное отделение худосочного пылающего температурным жаром парнишку. А дальше была такая же сумасшедшая гонка обратно к жилому городку, где был госпиталь с хирургическим отделением. И Севастьянов потом таскал туда спасенному ими лопухому срочнику из Рязани колбасу и пайковый летный шоколад. А Гром издевался над ним, обзывая эти передачи телячьими нежностями, но как-то раз сам спалился в палате выздоравливающих с полной авоськой дорогущих импортных апельсинов.

– Я говорил о том, – медленно и отдельно почти по слогам произнес фээсбэшник. – Что Федеральная Служба Безопасности располагает совершенно достоверными данными о том, что Ваши сослуживцы: Померанец, Громов и Маркухин участвовали в осетино-грузинском конфликте в качестве расчета одной из пусковых установок комплекса «Бук». За что им было выплачено весьма приличное денежное вознаграждение.

– Я уже понял...

– Не перебивайте меня, пожалуйста, – окрысился оперативник. – Больше того, по нашим сведениям именно этот расчет сбил российский бомбардировщик Ту-23Р, в экипаж которого входил Ваш племянник.

– Об этом я тоже уже догадался... – ровный спокойный тон дается с трудом, внутри будто разверзлась черная бездна, сердце трепыхается беспомощной, запутавшейся в липкой паутине бабочкой, тяжелый наполненный адреналином пульс тягуче отдается в висках. Но показывать сейчас то, что чувствуешь просто нельзя. Потом, подальше от этого кабинета от самого этого здания, наедине с собой можно будет позволить развязаться стянутым в крепкий морской узел нервам. Можно будет изрыгать матерные проклятья, биться головой о стену, разнести что-нибудь вдребезги, выплескивая из себя жгущую каленым железом боль. На худой конец можно будет просто напиться до зеленых соплей. Но только потом, сейчас необходимо держать себя в руках, помнить, что весь разговор затеян не случайно и вот сейчас, когда опер думает, что достаточно тебя раскачал, выбил из привычного равновесия и должно последовать то главное, ради чего вообще сюда вызывали.

– Виктор Сергеевич, поверьте, мне тяжело сейчас с Вами говорить, но я обязан это сделать. Так сложилось, что люди, с которыми Вы когда-то делили тяготы армейской службы, напрямую оказались замешаны в гибели Вашего родственника. Я понимаю, не легко в такое поверить, не легко осознать. Но еще труднее принять тот факт, что истинные виновники даже не они, а тот существующий на Украине антироссийский режим, что послал их на войну. Вот против этого режима я и предлагаю Вам выступить, внести, так сказать, посильную лепту в его уничтожение.

Несмотря на ураган бушующих внутри эмоций Севастьянов не смог удержаться от улыбки, правда вышла она кривой и грустно-ироничной.

– Вы сами-то себя сейчас слышите? Вы к чему меня призываете? Устроить на Украине революцию? Не кажется, что немного не по адресу обратились? Как-то не те у меня масштабы.

В продолжение всей этой тирады, в которой прорвалось-таки давно копившееся в Севастьянове раздражение, фээсбэшник довольно шурился, как объевшийся сметаной кот. «Ага, пробрало все же!» – читалось на его сияющем лице.

– Ну Вы себя недооцениваете, Виктор Сергеевич, – расплылся в улыбке оперативник едва Севастьянов выдохся и судорожно заглотнул порцию воздуха широко распяленным ртом. – Конечно, никакой революции мы от Вас не требуем. Но кое-что сделать в данной ситуации Вы действительно можете.

– Что, например?

– Давайте пока обойдемся без примеров. На данном этапе нам достаточно Вашего принципиального согласия нам помочь.

– Помочь в чем?! Вы сами-то себя сейчас слышите?! Что я должен ответить?! Что соглашаюсь сделать все, что ни прикажет мне ФСБ?! – Севастьянов почти кричал, слова клокотали во рту, изливались наружу пенистой лавой.

– А что Вы так нервничаете? – жестом руки остановил его порыв фээсбэшник. – Никто так не ставит вопрос. Хотя и в такой его постановке ничего предосудительного я лично не вижу. Достаточно много людей сотрудничали с нами именно на этих условиях. От Вас же пока требуется лишь принципиальное согласие вступить в игру на нашей стороне.

– Но что я должен буду делать? – Севастьянов уже остывал, вспышка гнева сожрала все его силы, и теперь он чувствовал себя разбитым и опустошенным.

– Конкретно узнаете позже. Пока лишь намекну, что Ваша задача будет состоять в содействии украинской парламентской комиссии в получении объективных материалов. Скажем, признательных показаний некоторых лично знакомых Вам наемников...

– Ясно, – едва прокаркал внезапно охрипшим горлом Севастьянов. – А каков мой собственный интерес в этом деле? Вы наверное и это продумали?

– Ваш интерес? – фээсбэшник казался искренне удивленным. – Да он же на поверхности. Если все получится, как надо, Вы сможете покарать тех, кто виновен в гибели Вашего племянника, разве этого не достаточно?

– Так ведь виновны как раз те, показания которых я должен для вас обеспечить... Опираясь на былую дружбу, как я понимаю... Не находите мои переговоры с убийцами как минимум противоестественными, нет?

Оперативник даже руками на него замахал в приступе едва сдерживаемого негодования.

– Да при чем здесь они?! Что Вы право, как малое дитя? Убивает ведь не пистолет, а рука, жмушая на спусковой крючок! Ваши однополчане в данном случае не более чем бездушный инструмент, лишенный свободы воли. Истинные виновники вовсе не они. Вот покарать тех, кто дергал за ниточки, заставляя их плясать под свою дудку, действительно цель достойная всяческого уважения. Но не будем забегать вперед, я не уполномочен обсуждать сейчас с Вами детали предстоящей операции...

– Значит, по-вашему, виновна рука, нажавшая на спусковой крючок? – Севастьянов пытливо глянул в блеклые глаза собеседника, и тот стоически выдержал его вопрошающий взгляд. – Ладно, я согласен...

Возможно, Севастьянову это только почудилось, но фээсбэшник после его слов вздохнул с явственным облегчением и тут же зачастил как из пулемета, цветистыми фразами о том, что он никогда не сомневался в российских офицерах, их внутреннем благородстве и еще в чем-то донельзя приторном и трескуче неуместном сейчас. Чем-то он напомнил в тот момент Севастьянову Капеллана, обожавшего выступать на комсомольских и партийных собраниях и умевшего нести подобную же чушь без передышек несколько часов. В такие моменты его глаза так же стекленели, а изо рта летели абсолютно стандартные, штампованные фразы, иногда Севастьянову казалось, что Капеллан произносит их даже не задумываясь, на одном инстинкте... Точно так говорил сейчас и сидящий перед ним оперативник и Севастьянов слушал его склонив голову на бок, не пуская в сознание изливавшегося потоком пропагандистского бреда, а лишь наблюдая за тем, как меняется на глазах, приобретая некую одержимую монументальность, горячечную одухотворенность, свойственную обычно пророкам, или опасным сумасшедшим, лицо фээсбэшника.

Луговин, на замечая его взгляда продолжал разливаться соловьем. Севастьянов смотрел, как стремительно движется в такт речи, играют тщательно отрепетированной мимикой его лицевые мышцы. Чем дальше, тем больше ему казалось, что оперативник любит себя, красуется перед в кои то веки найденным благодарным слушателем. Впрочем на это Севастьянов плевал с высокой башни, пусть его, не важно... Гораздо хуже было другое – мысли, тяжелые, как мельничные жернова со скрипом ворочающиеся в охваченной температурным жаром голове, ни на секунду не дающие забыть, отвлечься. Губы невольно шевелились им в такт, неслышно выталкивая наружу их уже облеченные в слова.

– Вы что-то сказали? – спохватился в какой-то момент фээсбэшник, поймав краем глаза это бесшумное движение воспаленных, потрескавшихся губ.

– Нет, ничего, – не поднимая глаза на собеседника, с усилием выдавил Севастьянов. – Я Вас внимательно слушаю...

А сам повторил про себя, закрепляя найденную формулировку: «Человек не пистолет, он волен выбирать сам. Да и пистолет тоже может быть виновен, хоть он и бездушная железка. А раз виновен, значит должен ответить. Должен!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.